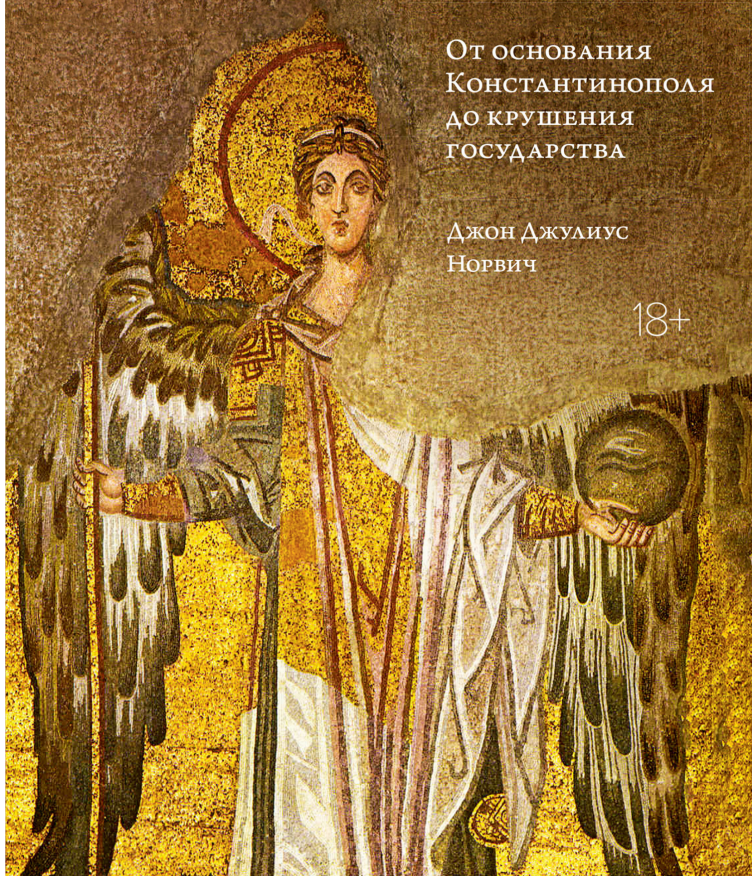

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

От основания
Константинополя
до крушения
государства

Джон Джулиус
Норвич

18+

Джон Джулиус Норвич История Византийской империи. От основания Константинополя до крушения государства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68278364

*История Византийской империи. От основания Константинополя до
крушения государства: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21893-2*

Аннотация

Величие Византии заключалось в «тройном слиянии» — римского тела, греческого ума и мистического восточного духа (Р. Байрон). Византийцы были в высшей степени религиозным обществом, в котором практически отсутствовала неграмотность и в котором многие императоры славились ученостью; обществом, которое сохранило большую часть наследия греческой и римской Античности в те темные века, когда свет учения на Западе почти угас; и, наконец, обществом, которое создало такой феномен, как византийское искусство. Известный британский историк Джон Джулиус Норвич представляет подробнейший обзор истории Византийской империи начиная с ее первых дней вплоть до трагической гибели.

«Византийская империя просуществовала 1123 года и 18 дней – с основания Константином Великим в понедельник 11 мая 330 года и до завоевания османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 года. Первая часть книги описывает историю империи от ее основания до образования западной соперницы – Священной Римской империи, включая коронацию Карла Великого в Риме на Рождество 800 года. Во второй части рассказывается об успехах Византии на протяжении правления ослепительной Македонской династии до апогея ее мощи под властью Василия II Болгаробойцы, однако заканчивается эта часть на дурном предзнаменовании – первом из трех великих поражений в византийской истории, которое империя потерпела от турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 году. Третья, и последняя, часть описывает то, каким судьбоносным оказалось это поражение. История последних двух веков существования Византии, оказавшейся в тени на фоне расцвета династии Османской империи в Малой Азии, наполнена пессимизмом, и лишь последняя глава, при всем ее трагизме, вновь поднимает дух – как неизбежно должны заканчиваться все рассказы о героизме».

(Джон Джулиус Норвич)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Карты и генеалогические древа	8
Предисловие	27
Пролог	31
I	38
1	38
2	71
3	89
4	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джон Норвич
История Византийской
империи. От основания
Константинополя до
крушения государства

Посвящается Молл

John Julius Norwich

A SHORT HISTORY OF BYZANTIUM

Научный редактор Захаров А.О., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

© John Julius Norwich, 1988, 1991, 1995, 1997

© Постникова О. Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

КоЛибри®

Джон Джулиус Норвич – один из известнейших британских историков, дипломат. Получил образование в Колледже Верхней Канады, Итонском колледже, Страсбургском университете и Новом колледже в Оксфорде. Служил в посольствах Великобритании в Белграде и Бейруте, был членом палаты лордов парламента. Автор более 35 книг, включая вышедшие на русском языке: «Нормандцы в Сицилии», «Расцвет и закат Сицилийского королевства», «Краткая история Франции», «Срединное море», «История Англии и шекспировские короли» и «История папства». Автор и участник свыше 30 исторических документальных фильмов на канале BBC. Почти 30 лет был председателем фонда «Венеция в опасности». Возглавлял британский Фонд мировых памятников, был членом Королевского литературного общества и Королевского географического общества. Кавалер ордена королевы Виктории и командор ордена «За заслуги перед Итальянской республикой».

Выдающееся историческое исследование блистательной Византийской империи, включающее яркие портреты главных действующих лиц.

Daily Telegraph

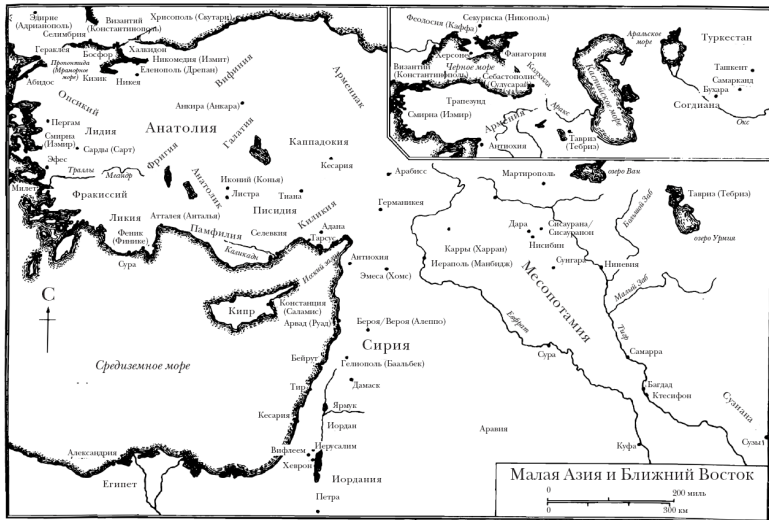
Мало кто способен рассказать историю так живо,

как автор этой книги, обладающий даром понимания исторической перспективы и неизменным остроумием.
Spectator

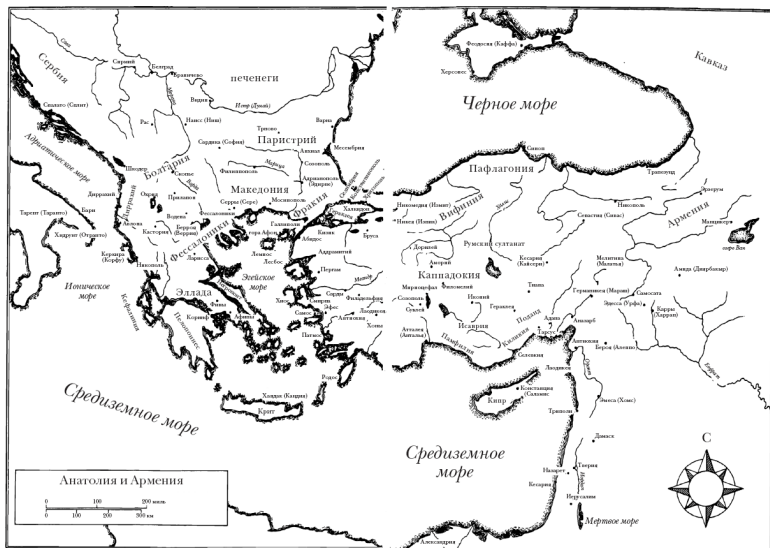
Автор ловко подмечает важные детали, благодаря которым повествование невероятно увлекает.
The New York Times Book Review

[illegible]

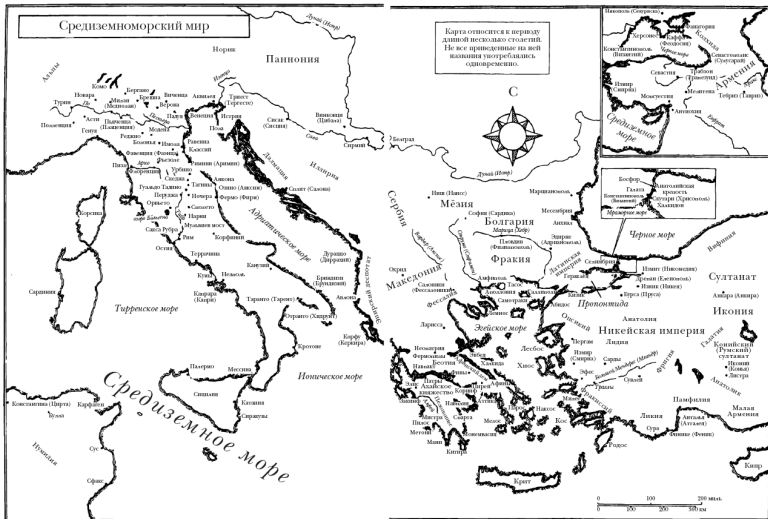

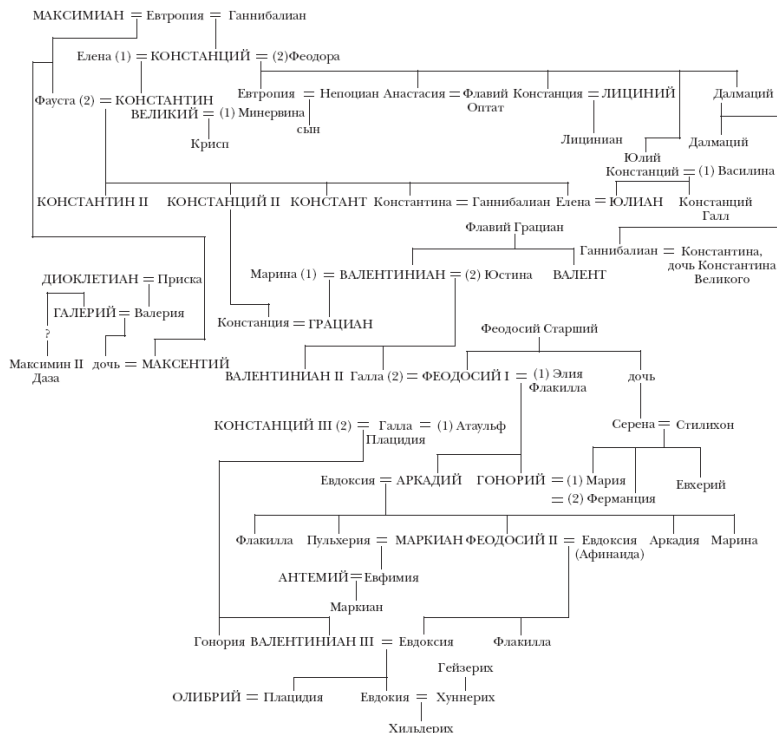

Средиземноморский мир

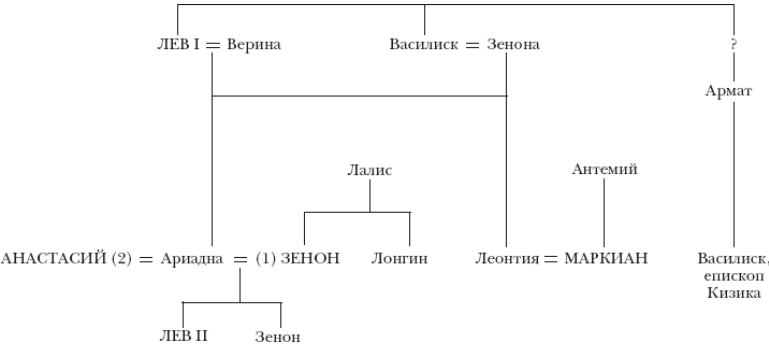
Карта относится к периоду данной несколько столетий. Не все приведенные на ней названия употреблялись одновременно.

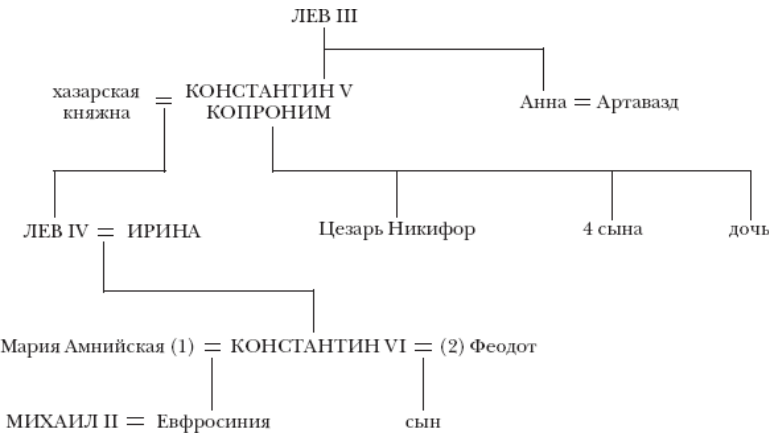
Семьи Диоклетиана, Константина Великого, Валентиниана и Феодосия

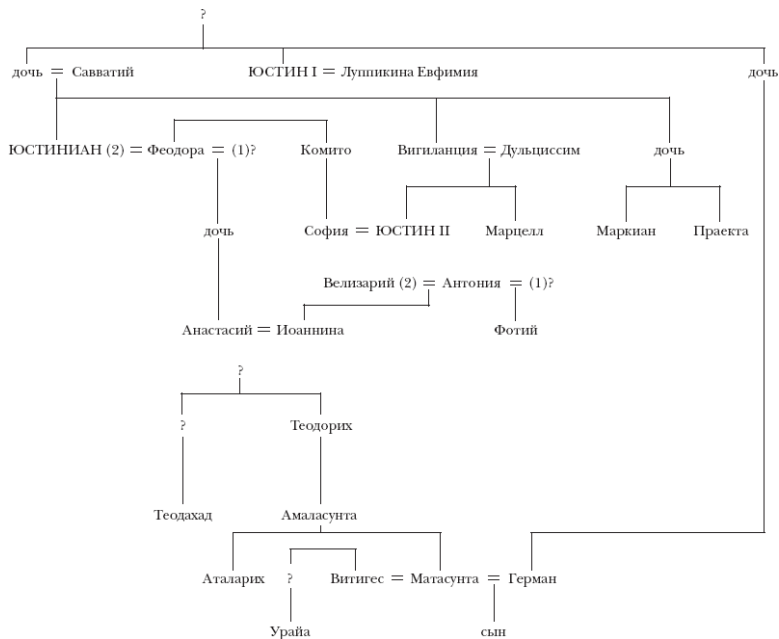
Семья Льва I

Семья Льва III

Семьи Юстиниана и Теодориха

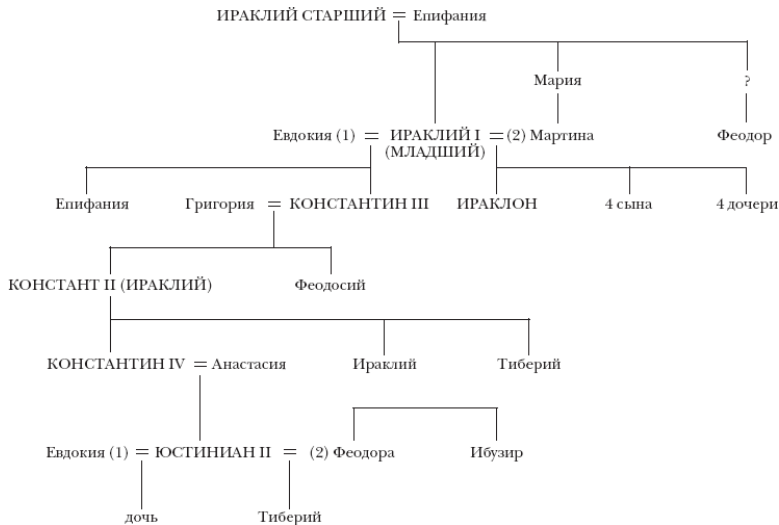

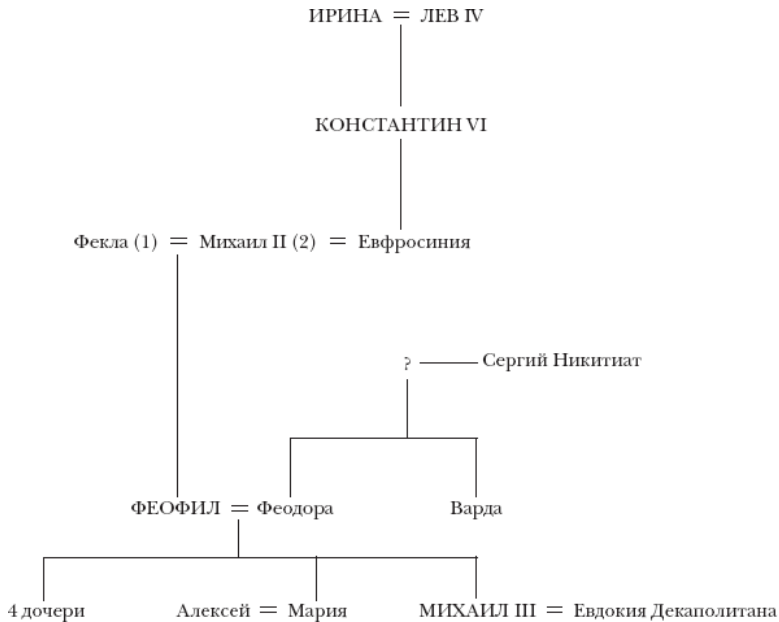
Семья Тиберия Константина

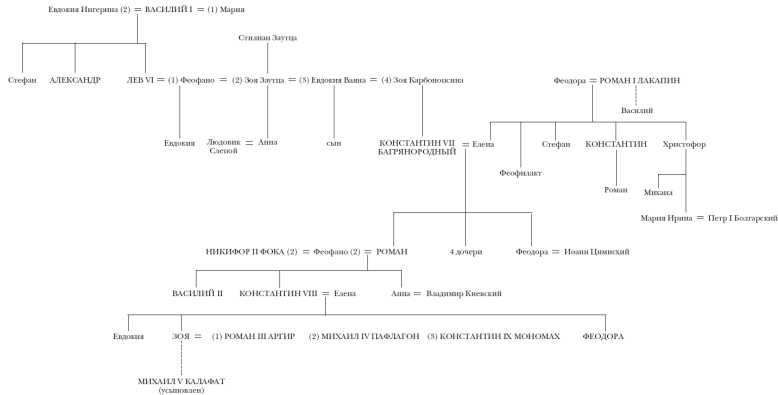
Семья Ираклия

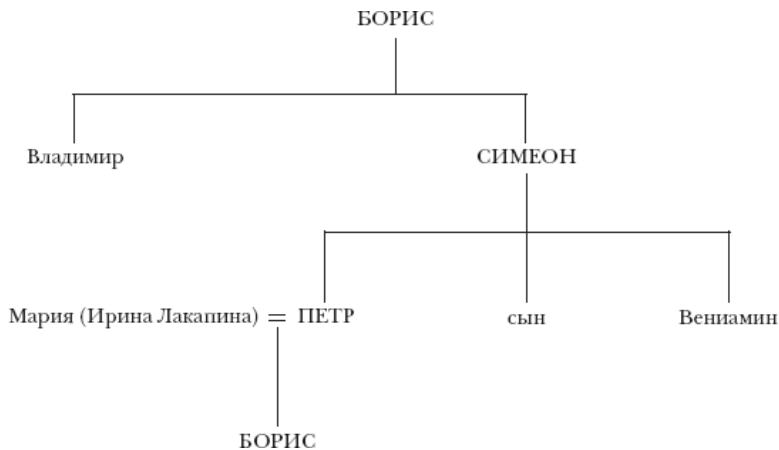
Аморейская династия

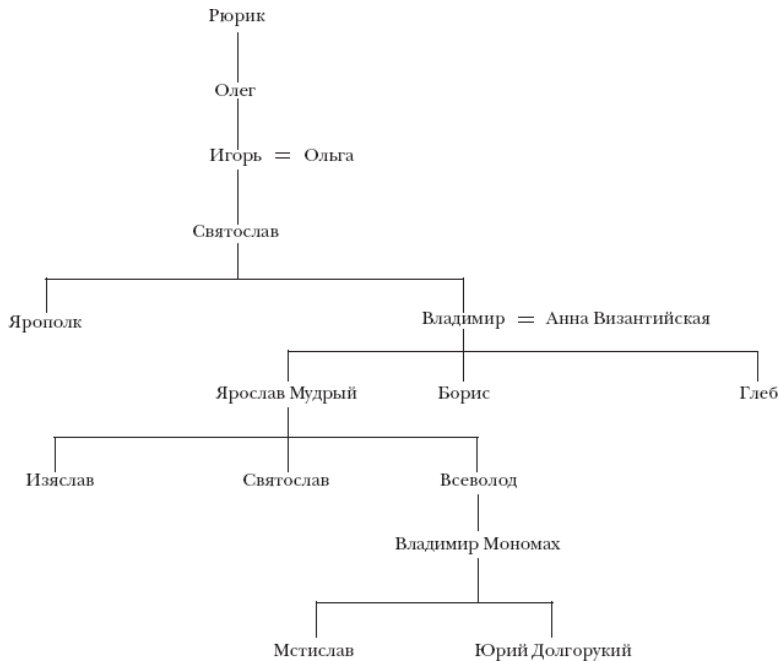
Македонская династия

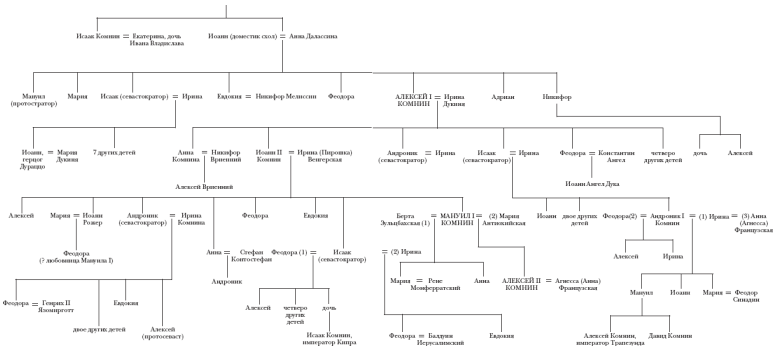
Болгарские цари

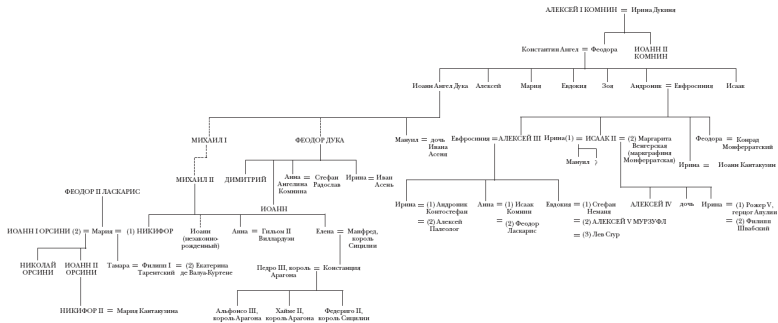
Киевские князья

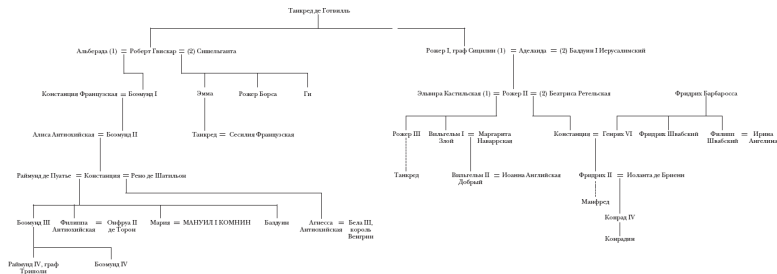
Комнины

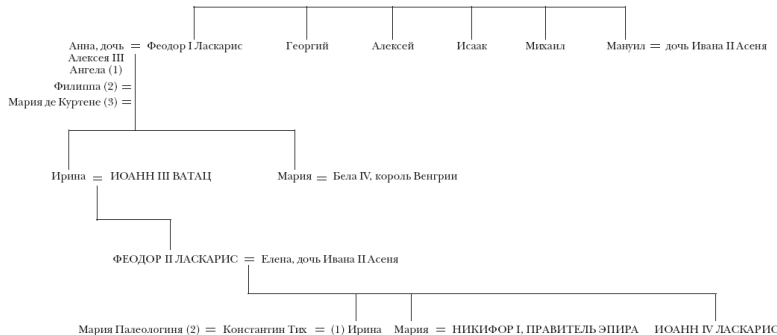
Династия Ангелов и Эпирский деспотат

Князья Антиохии и короли Сицилии

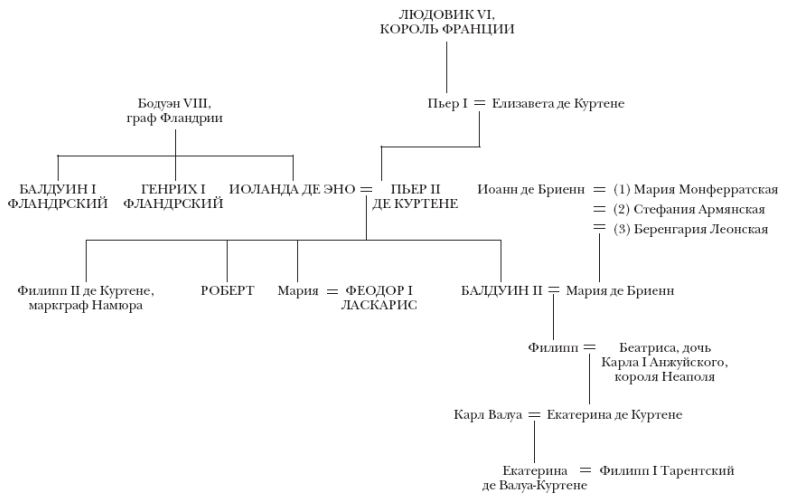

Никейская династия Ласкарисов

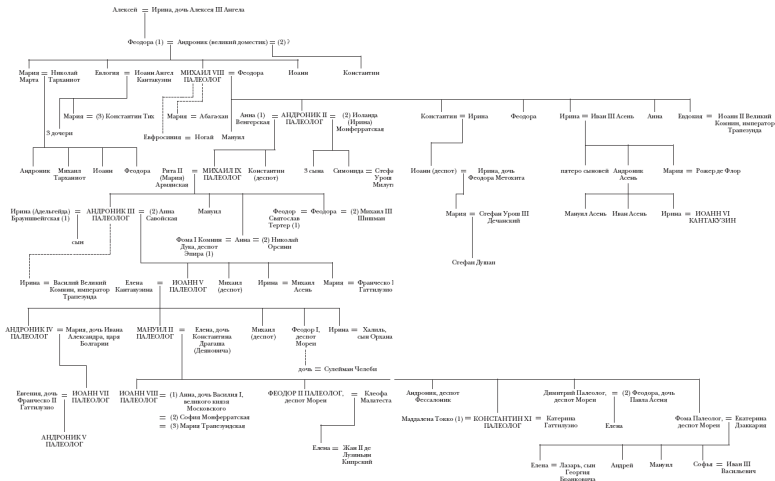
Латинские императоры Константинополя

Кантакузины

Палеологи

Предисловие

Византийская империя просуществовала 1123 года и 18 дней – с основания Константином Великим в понедельник 11 мая 330 года и до завоевания османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 года. Этот период гораздо дольше времени, отделяющего нас от норманнского завоевания Англии в 1066 году. Он должен казаться долгим всем, кроме астрономов и геологов; и если кто-то сочтет меня безрассудным за попытку осветить его в одной книге, то я могу лишь сказать, что согласен с таким мнением. Когда больше десяти лет назад я начал писать историю Византии, у меня не было подобных мыслей; я, как всегда, только следовал совету Червонного Короля из «Алисы в Стране чудес»: «Начинай сначала и продолжай до тех пор, пока не дойдёшь до конца: тогда и остановись!»¹ Результатом той работы стали три тома, опубликованные с 1988 по 1995 год и насчитывавшие в общей сложности около 1200 страниц – в среднем по одной странице на каждый год истории Византии (ради ясности и точности следует отметить, что в книге я должен был рассказать о событиях, предшествовавших возникновению империи, а также о том, что произошло через несколько лет после ее падения).

---

¹ Пер. А. Оленича-Гнененко. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.

Первый из этих томов описывал историю империи от ее основания до образования западной соперницы – Священной Римской империи, включая коронацию Карла Великого в Риме на Рождество 800 года. Во втором томе рассказывалось об успехах Византии на протяжении правления ослепительной Македонской династии до апогея ее мощи под властью Василия II Болгаробойцы, однако заканчивался том на дурном предзнаменовании – первом из трех великих поражений в византийской истории, которое империя потерпела от турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 году. Третий и последний том описывал, каким судьбоносным оказалось это поражение. Оно лишило Византию большей части Малой Азии – главного источника ее людских ресурсов, ослабило ее и довело до такой степени обнищания, что через сто с небольшим лет она оказалась не в силах противостоять стремительной атаке участников Четвертого крестового похода (до абсурда нелепое название!)². Это бесстыдство и последовавшие за ним 56 лет латинского правления оказались вторым ударом, от которого империя так и не оправилась. История последних двух веков существования Византии, оказавшейся в тени на фоне расцвета династии Османской империи в Малой Азии, наполнена пессимизмом, и лишь последняя глава, при всем ее трагизме,

---

² Автор имеет в виду, что крестоносцы, поклявшиеся вернуть христианскому миру Святую землю, повели себя фактически как алчные и жестокие наемники, отправившиеся за богатой добычей.

вновь поднимает дух — как неизбежно должны заканчиваться все рассказы о героизме.

Однако в наши дни 1200 страниц — слишком много для большинства читателей. Мне подсказали, что многие люди, которых отпугнет мысль о целой трилогии, с радостью воспримут ту же историю, сжатую до размеров одного тома. В результате появилась книга, которую вы держите в руках. Сокращение изначальной истории на две трети стало долгой и трудной задачей, которая часто казалась мне настоящим детоубийством. В процессе работы мне пришлось пожертвовать многими историческими анекдотами, отступлениями и описаниями, не говоря уж о довольно большом количестве удачных шуток, однако этот сокращенный текст может больше оригинала претендовать на лаконичность. Если ему удастся пробудить у читателей интерес, а еще лучше воодушевление по отношению к странному, диковинному, но бесконечно увлекательному миру Византии, то он вполне стоил затраченных на него усилий.

Я воспринимаю себя человеком, скользящим на коньках по поверхности. Готовя сокращенное издание, я словно сменил коньки на корабль на воздушной подушке. Впрочем, могу заверить читателей: и в этой книге история Византии рассказана полностью. Ни одно из событий первостепенной важности не упущено. Если же темп повествования порой будет казаться несколько головокружительным, а факты слишком многочисленными и быстро сменяющимися друг

друга – что ж, в таком случае вы можете обратить внимание на трилогию.

Джон Джулиус Норвич

Касл-Ком, октябрь 1996 года

Пролог

Общепринятый вердикт, который история вынесла Византийской империи, гласит, что она – без всяких исключений – представляет собой самую что ни на есть низменную и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... Не было ни одной другой долговечной цивилизации, которая была бы настолько лишена любых форм и элементов величия... Ее пороки были пороками людей, которые утратили мужество, не научившись добродетели... Рабы, и притом добровольные рабы – и в своих мыслях, и в своих поступках, – они были погружены в чувственные удовольствия и самые легкомысленные развлечения; эти люди пробуждались от безразличия только тогда, когда какой-нибудь тонкий богословский вопрос или проявленная в гонке колесниц отвага побуждали их к безумным мятежам... История империи – монотонный рассказ об интригах священников, евнухов и женщин, об отравлениях и заговорах, о неизменной неблагодарности и вечных братоубийствах.

Этот поразительный обличающий отрывок взят из книги У. Э. Г. Лекки³ «История нравственности в Европе от Ав-

---

³ Уильям Эдуард Гартполь Лекки (1838–1903) – ирландский историк и эссеист. Цитируемая книга в русском двухтомном переводе вышла в 1872 г., но по цен-

густа до Карла Великого», опубликованной в 1869 году. Хотя на современного читателя он, возможно, не производит задуманного автором впечатления (его последнее предложение звучит вовсе не монотонно, а весьма увлекательно), факт остается фактом: на протяжении более двухсот лет государство, некогда известное как поздняя Римская империя, имело ужасную репутацию. Похоже, долгая кампания по дискредитации этого периода началась в XVIII веке с подачи автора труда «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, который, как и все его современники, получившие классическое английское образование, рассматривал Византию как предательство всего лучшего, что было в Древней Греции и Риме. Лишь после Второй мировой войны, когда ставшие более легкими, быстрыми и относительно комфортными путешествия по Леванту сделали памятники византийской истории общедоступными, Византия вновь начала обретать лицо и была признана пусть и совсем иной, но достойной преемницей двух предыдущих могучих цивилизаций. Для большинства из нас проблема состояла в том, что мы знали о ней очень мало. Прежние представления оказались весьма живучи. Я провел пять лет в одной из старейших и лучших частных школ Англии, и все это время Византия словно была жертвой заговора молчания. Я и в самом деле не могу вспомнить, чтобы о ней упоминали, а уж

зурным соображениям были уничтожены 1965 экземпляров из двухтысячного тиража; таким образом, это огромная библиографическая редкость.

тем более изучали ее; и мое невежество в этой области было столь полным, что мне было бы трудно описать ее даже в общих словах — пока я не поступил в Оксфорд. Подозреваю, что многие люди сегодня имеют о Византии такое же смутное представление; для них и написана эта книга.

Идея этой книги возникла много лет назад, причем даже не у меня, а у моего друга Боба Готтлиба, который некоторое время спустя покинул моих американских издателей, став редактором журнала *New Yorker*. Меня немного пугала масштабность стоящей передо мной задачи, однако я приступил к ней без особых колебаний. К тому времени я уже больше двадцати пяти лет был увлечен миром Византии, а годы службы в Министерстве иностранных дел Великобритании, в том числе два с половиной года в Белграде и три в Бейруте (тогда это было одно из самых прелестных в мире мест для жизни), лишь углубили мою привязанность к Восточному Средиземноморью и всему, что оно собой воплощало. Не случайно, когда я наконец ушел с государственной службы в 1964 году, чтобы попытаться жить писательским трудом, я выбрал для первой книги место, от которого больше всех прочих до сих пор веет духом Византии, — гору Афон.

После этого я провел несколько счастливых лет, описывая Венецию, которая сначала была византийской провинцией, а затем боковой ветвью империи. Византийские мозаики, достойные встать в один ряд с константинопольскими, можно

найти и в соборе Сан-Марко (который, кстати, спроектирован по образу храма Святых Апостолов в Константинополе), и в соборе Успения Девы Марии на острове Торчелло. Однако насколько разительно отличались друг от друга эти два города! Венеция, на протяжении всей своей истории защищенная неподвижными и неглубокими водами лагуны, излучала уверенность; она до самого конца оставалась неприкосновенной и знала об этом. Константинополь почти все время жил под угрозой нападения; лишь героизм императора и его подданных спасал город вновь и вновь. Жители этих городов тоже были весьма не похожи друг на друга: венецианцы – безжалостные и ориентированные на коммерцию циники, византийцы – мистики, для которых Христос, его Мать и Святые были столь же реальны, как члены их семей. И наконец, самое главное: Венецией управляли безликие комитеты, избранные группы одетых в черное мужчин; они работали втайне от других, их состав постоянно менялся, решения они принимали коллективно, избегая всякой индивидуальной известности. Византия же была автократией, которой управлял полубожественный император, равный апостолам земной правитель от имени Господа, державший в руках жизнь всех до единого подданных. Одни императоры были героями, другие – чудовищами; но они никогда не были безликими или скучными.

По одной этой причине я писал свою книгу с неизменным удовольствием; однако в некотором роде она представ-

ляет собой и скромную дань уважения. Наша цивилизация никогда в достаточной мере не признавала своего долга перед Византией. Если бы не этот восточный оплот христианского мира, какие шансы были бы у Европы выстоять против армий персидского царя⁴ в VII веке или войска багдадского калифа в VIII? На каком языке мы бы говорили сегодня и какому богу поклонялись бы? Велик и наш культурный долг перед Византией. После вторжений варваров и падения императора в Риме свет знаний в Западной Европе почти угас, если не считать нескольких слабо мерцающих огоньков в монастырях; именно на берегах Босфора этот огонь продолжал ярко светить, именно там сохранилось классическое наследие. Многое из того, что нам известно об Античности, в особенности о греческой и римской литературе и о римском праве, было бы навеки утрачено, если бы не ученые, книжники и переписчики из Константинополя.

Однако вся эта огромная работа давным-давно забыта или воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В наше время нам осталось лишь одно неизменное напоминание о гениальности византийцев – великолепие их искусства. Никогда за всю историю христианства (да, пожалуй, и любой другой мировой религии) ни одной художественной школе не удавалось привнести столь глубокую степень духовности в свою работу. Византийские богословы настаивали на том, что религиозные художники и мозаичисты должны стараться

---

⁴ Правитель державы Сасанидов. – *Прим. науч. ред.*

отразить в своих произведениях образ Господа. Это было серьезное требование, но в византийских церквах и монастырях мы видим, что оно вновь и вновь блестяще выполнялось.

И наконец, эта книга не претендует на научность. Ознакомившись с ней, любой специалист по Византии найдет на ее страницах мало такого, чего он уже не знает, хотя вполне возможно, он не согласится со многими изложенными в ней мнениями и утверждениями. Пусть так. Четыре года изучения древнегреческого, которые стали значительной частью уже упомянутого мной образования в частной школе, не помогли мне читать даже самые простые тексты на этом языке без словаря под рукой; следовательно, мне пришлось почти целиком полагаться на те первоисточники, которые существуют в переводе или кратком пересказе. Однако это оказалось не таким серьезным препятствием, как я ожидал: вторичные источники настолько богаты, особенно в отношении более поздних веков, что трудность состояла не столько в получении информации, сколько в ее отборе. Поскольку действие в повествовании должно продолжаться любой ценой, я не претендую на что-то большее, чем просто скольжение по поверхности темы, — а само это слово уже отрицает ученость.

Однако я в этом не раскаиваюсь. Я никогда не предполагал, что пролью на Византию новый свет. Все, что я попытался сделать, — это хоть немного компенсировать тот заговор молчания, который многих из нас оставил без всяких познаний о самой длительно существовавшей и, вероятно, самой

священной христианской империи в истории нашего мира, а в процессе рассказать вам хорошую историю – настолько интересно и точно, насколько это в моих силах. Я не надеюсь, что читатель отложит прочитанную книгу с тем же сожалением, с которым я завершил выполнение этой трудной, но очень приятной задачи; но я полагаю, что он, по крайней мере, согласится со мной в том, что эту историю стоило рассказать.

I

Первые столетия

1

Константин Великий

(до 337)

Вначале было слово – несомненно, одно из самых волшебных и звучных географических названий в истории. Даже если бы Византийская империя никогда не существовала, Византий непременно оставил бы след в наших умах и воспоминаниях одной только музыкальностью своего названия, которое вызывало бы те же образы, что и сегодня: золото, малахит и порфир, величественные и торжественные церемонии, усыпанная рубинами и изумрудами парча, роскошные мозаики, тускло мерцающие в окуренных ладаном залах.

Затем было место – и оно тоже было превосходным. Находясь у самого порога Азии и занимая самую восточную оконечность широкого треугольного мыса, южную часть которого омывало Мраморное море, а северо-восточную – узкий, глубокий и судоходный морской пролив примерно пяти миль (8 км) в длину, известный со времен глубокой Антич-

ности как Золотой Рог, Византий самой природой был превращен в великолепную гавань и неприступную цитадель, которая нуждалась в серьезных укреплениях лишь с обращенной к суше стороны. Даже нападение с моря было довольно трудно осуществить, поскольку само Мраморное море защищено двумя длинными и узкими проливами: Босфором с востока и Геллеспонтом (или Дарданеллами) с запада.

И наконец, человек – римский император Константин I. Ни один правитель в истории настолько полно не заслуживал прозвания «Великий», поскольку за короткий промежуток времени примерно 15 лет он принял два решения, каждое из которых изменило будущее цивилизованного мира. Первым было принятие христианства в качестве официальной религии Римской империи. Вторым стал перенос столицы из Рима в новый город, который он построил на месте города Византий и который на протяжении последующих шестнадцати веков назывался его именем – Константинополь. Оба этих решения и их последствия дали монарху серьезное право считаться самым влиятельным человеком в истории после Иисуса Христа, Будды и пророка Мухаммеда. С него и начинается наша история.

Константин родился около 274 года н. э. Его отец Констанций I, прозванный Хлором, что означает «бледный», был одним из самых блестящих и успешных военачальников империи; мать, Елена, была дочерью простого трактирщика из Вифинии. Некоторые историки считают, что в заве-

дении отца она служила одним из дополнительных удовольствий, регулярно предоставляемых посетителям за небольшую дополнительную плату. Лишь позднее, когда ее сын добился верховной власти, она стала самой почитаемой женщиной империи; и лишь в возрасте за семьдесят эта истово верующая обращенная христианка совершила паломничество в Святую землю, где чудесным образом извлекла из земли Животворящий Крест и была провозглашена святой.

В 293 году император Диоклетиан решил разделить императорскую власть на четыре части, оставив себе восток, а остальные три области доверив старинному товарищу по оружию Максимиану, суровому и жестокому профессиональному солдату из Фракии по имени Галерий и Констанцию Хлору. Даже в то время недостатки подобного распределения власти должны были казаться очевидными. Как бы ни подчеркивал Диоклетиан, что империя по-прежнему остается единой и неделимой, рано или поздно произошел бы неизбежный раскол. В течение нескольких лет все шло довольно гладко; эти годы юный Константин провел при дворе Диоклетиана. Однако в 305 году произошло событие, равных которому не было в тогдашней Римской империи, – добровольное отречение императора от престола. Пробыв на троне двадцать лет, Диоклетиан удалился от мира, вынудив отречься от власти и Максимиана, который очень этому противился.

Галерия и Констанция Хлора, который к этому времени

бросил Елену, чтобы жениться на приемной дочери Максимиана Феодоре, провозгласили августами (верховными императорами), однако назначение их преемников, двух новых цезарей, было поставлено под сомнение. Константин, которого обошли вниманием, опасаясь за свою жизнь, ночью покинул двор Галерия в Никомедии и бежал в Булонь к отцу, где тот готовился к новому походу в Британию. Отец и сын вместе пересекли Ла-Манш, однако вскоре, 25 июля 306 года, Констанций умер в Йорке; местные легионеры тут же набросили на плечи Константина пурпурную императорскую тогу, подняли его на щиты и провозгласили императором.

Нуждаясь в официальном признании, Константин послал Галерию в Никомедию уведомление о смерти своего отца, а вместе с ним свой портрет, на котором он был изображен со знаками отличия августа Запада. Однако Галерий наотрез отказался признавать августом юного мятежника – ведь именно таковым, несомненно, был Константин. Галерий был готов, хоть и с неохотой, признать его цезарем, но не более того. Для Константина этого пока было достаточно. Он оставался в Галлии и Британии в течение последующих шести лет и в целом правил этими двумя провинциями хорошо и мудро. Однако его высокая нравственность в сфере государственного управления не помешала ему в 307 году оставить первую жену ради заключения гораздо более высокого союза с Фаустой, дочерью бывшего императора Максимиана. Максимиан к тому времени объявил недействительным

свое отречение двухлетней давности, снова оделся в пурпур и объединился со своим сыном Максенцием, вместе с которым склонил на свою сторону всю Италию. Таким образом, этот брак был дипломатически выгодным для обеих сторон: для Максимиана и Максенция он означал, что они, вероятно, смогут рассчитывать на союз с Константином, а тот, в свою очередь, теперь мог похвастаться родством не с одним, а с двумя императорами.

Трудно сказать, как долго Константин довольствовался бы управлением этим довольно отдаленным уголком империи. В апреле 311 года Галерий, верховный август, умер близ города Сирмий на реке Сава. После его смерти три человека должны были разделить между собой верховную власть: Лициний, один из давних собутыльников покойного императора, который теперь правил Иллирией, Фракией и Дунайскими провинциями; его племянник Максимин Даза, которого он назначил цезарем в 305 году и который получил власть над восточной частью империи; и сам Константин. Однако существовал четвертый человек, который формально не обладал императорским рангом, но давно считал себя несправедливо лишенным законного трона, – зять Галерия Максенций. Будучи сыном императора Максимиана, Максенций давно ненавидел блестящего молодого мужа своей сестры. Теперь он стал таким же сильным, как любой из трех его соперников, – настолько сильным, чтобы воспользо-

ся смертью отца как предлогом и заклеить Константина убийцей и мятежником. Война, очевидно, была неизбежна, однако прежде, чем выступить против врага, Константину нужно было договориться с Лицинием. На его счастье, Лициний, полностью занятый Максимином Дазой на востоке, был только рад предоставить Константину завоевывать Италию от своего имени. Это соглашение скрепила еще одна помолвка – на этот раз между Лицинием и Констанцией, сводной сестрой Константина.

На всем протяжении длительного наступления Константина Максенций оставался в Риме. Лишь когда войско его зятя подошло к городу, он выступил ему навстречу. Две армии встретились 28 октября 312 года при Сакса-Рубра – «красных скалах» на Фламиниевой дороге примерно в 7–8 милях (11,2–12,8 км) к северо-востоку от Рима. Именно там, согласно легенде, перед самой битвой или даже во время боя Константину было его знаменитое видение. Вот как описывает его греческий историк Евсевий Кесарийский:

Чудеснейший знак был подан ему с небес... Он сказал, что около полудня, когда солнце стало клониться к западу, он своими глазами увидел в небе, выше солнца, символ успеха в виде светящегося креста, на котором было начертано «Сим победишь» (*In Hoc Signe Vinces*). Видение потрясло и его самого, и всю армию.

Вдохновившись столь очевидным знаком божественно-

го расположения, Константин начал наступление на армию Максенция, заставив ее двигаться на юг, к Мульвиеву мосту через Тибр. Рядом с этим мостом Максенций построил второй, понтонный, по которому при необходимости можно было организованно отступить и который можно было разрушить посередине, чтобы остановить преследователей. На этот мост теперь в панике и бросилась его разбитая армия, солдаты которой бежали со всех ног. Они могли бы спастись, если бы инженеры не потеряли голову и не вынули крепления моста слишком рано. Мост рухнул, и сотни людей оказались в реке с быстрым течением. Те, кто еще не успел переправиться, без оглядки бросились к старому каменному мосту, который оставался их единственным шансом на спасение, однако, как было известно Максенцию, мост был слишком узким. Многие погибли в давке, некоторые падали и гибли под ногами, прочих свои же товарищи бросали с моста в реку. В числе последних оказался и сам узурпатор, чье тело позже обнаружили выброшенным на берег.

Битва у Мульвиева моста сделала Константина полновластным хозяином всей Европы. Она стала определенной вехой и в его пути к христианству: пусть тогда он и не обратился в эту религию, но по крайней мере показал себя защитником и покровителем своих подданных-христиан. Покидая Рим, Константин подарил папе Мильтиаду Латеранский дворец, который занимала императрица Фауста, присоединившаяся к нему вскоре после его вступления в Рим. Это

место оставалось папской резиденцией на протяжении тысячи лет. Рядом с дворцом Константин приказал построить за свой счет первую в Риме византийскую базилику – собор Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме, который до сих пор служит соборным храмом. Рядом с базиликой заложили огромный, отдельно стоящий баптистерий, поскольку в последующие годы ожидался серьезный прирост числа обращенных.

В какой мере видение креста, которое якобы было императору у Мульвиева моста, оказалось не только одной из решающих поворотных точек в его жизни, но и переломным моментом мировой истории? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны задать себе другой: а что в действительности произошло? По словам христианского ученого и ритора Лактанция, наставника сына Константина Криспа, «во сне Константин получил указание изобразить на щитах своих солдат *небесный знак*, а затем идти на битву»:

Он сделал как было велено и изобразил на щитах букву Х, которую пересекала линия, закруглявшаяся вверх, то есть буква Р – символ Христа.

Больше Лактанций ничего не говорит. Он не упоминает ни о каком видении, только о сне. Нет даже намек на то, что Спаситель или крест вообще являлись императору. Что касается «небесного знака», то это была лишь монограмма из греческих букв Х и Р – первых двух букв имени Христа, которая уже давно представляла собой распространен-

ный символ в христианских надписях. Возможно, еще важнее, что другой ценный источник, Евсевий, рассказывая о битве в своей «Церковной истории» за 325 год, не упоминает ни о видении, ни о сне. Только в «Жизнеописании Константина», написанном много лет спустя, он добавляет приведенный выше отрывок.

Какие выводы мы должны сделать? Видения, конечно, не было. Если бы оно случилось, то просто невысказанно представить себе, что до «Жизнеописания Константина» об этом не было ни единого упоминания. Похоже, что сам император о нем никогда не говорил, кроме как с Евсевием, – даже в тех случаях, когда от него можно было этого ожидать. Кроме того, Евсевий особо оговаривает, что «свидетелями чуда» была «вся армия». Если это действительно было так, то 98 000 человек на удивление хорошо сохранили это событие в тайне.

Вместе с тем можно не сомневаться, что в какое-то время перед битвой император получил некий глубокий духовный опыт. Имеются факты, указывающие на то, что он уже пребывал в состоянии серьезных религиозных колебаний и все больше склонялся к монотеизму. После 310 года на его монетах изображают лишь одного бога – *Sol Invictus*, Непобедимое Солнце, видение которого, по словам Константина, было ему за несколько лет до того. Однако похоже, эта вера тоже не принесла ему удовлетворения. Короче говоря, мало кто был настолько готов к обращению в христианство в конце лета 312 года; поэтому неудивительно, что в некото-

ром смысле он получил ответ на свои молитвы. Если принять эту гипотезу, то рассказ Евсевия становится гораздо понятнее. У Константина всегда было сильно развито чувство, что он выполняет божественную миссию; поэтому вполне естественно, что, оглядываясь на свою жизнь, он позволил своей памяти добавить к ней тут и там немного блеска. В его время все верили в существование чудес и небесных знамений; если он мог получить видение и если при тогдашних обстоятельствах ему следовало его получить, значит, видение было.

В начале января 313 года Константин покинул Рим и отправился в Милан, где договорился о встрече с Лицинием. Их переговоры прошли вполне дружественно. Похоже, Лициний согласился с тем, что Константину должны достаться завоеванные территории, и в оговоренный срок женился на Констанции. Что касается христиан, то зятья договорились об окончательной редакции будущего эдикта, дарующего христианству законное признание на территории всей империи:

Я, Константин Август, и я, Лициний Август, приняли решение обеспечить уважение и почитание Божества, даровать христианам и всем прочим право свободно следовать любой форме вероисповедания, которая им по нраву, чтобы обитающее на небесах Божество было благосклонно к нам и к тем, кто находится под нашей властью.

Ко времени издания Миланского эдикта два императо-

ра были друзьями, но дружба эта продлилась недолго. Константин уже какое-то время намеревался положить конец предпринятому Диоклетианом катастрофическому разделению империи и хотел править ею в одиночку. Открытые боевые действия развернулись в 314 году, а еще через девять лет две армии вступили в жестокую битву при Адрианополе во Фракии. В обоих случаях Константин вышел победителем; в конце 323 года Лициния взяли в плен и без промедления казнили.

Во время гражданской войны Константин все сильнее склонялся в сторону христианского Бога. В течение нескольких лет он издавал законы, работавшие в пользу христиан. Священников освобождали от муниципальных обязанностей, а епископские суды получили право действовать в качестве апелляционных судов по гражданским делам. Другие законы тоже указывают на степень вдохновенности Константина христианством: например, в 319 году появился закон, запрещающий убивать рабов; самый знаменитый из всех закон 321 года объявлял воскресенье, «священный день Солнца», днем отдохновения. Однако ни в одном из этих законов не упоминалось имя Христа и никаким образом не провозглашалась христианская вера. Впрочем, когда империя вновь благополучно объединилась под его властью, Константин наконец мог позволить себе действовать открыто. Не должно быть никакого принуждения: язычникам следу-

ет разрешить придерживаться прежних верований, если они этого захотят. Одновременно не должно быть и ереси. Если церковь станет духовной властью в неделимой империи, как она может быть разобщенной? К несчастью, церковь такой и была. Много лет Константин безрезультатно боролся с двумя группами еретиков – с донатистами в Северной Африке и с мелетианами в Египте. Теперь возникла третья фракция, которая грозила посеять больше раздоров, чем первые две, вместе взятые.

Эта группа образовалась вокруг некоего Ария из Александрии – человека глубочайшей учености, обладавшего при этом ослепительной физической красотой. Его идеи были достаточно просты: Иисус Христос не был предвечным и не представлял собой единую сущность с Богом Отцом, а был создан Им как инструмент для спасения мира. Таким образом, будучи идеальным человеком, Сын все же подчинялся Отцу, и его природа была скорее человеческой, нежели божественной. В этом, по мнению архиепископа Александра, и состояла опасность доктрины; в 320 году ее распространитель предстал перед судом, состоявшим почти из ста епископов, которые отлучили его от церкви как еретика. Однако дело было сделано: его учение распространилось с молниеносной быстротой. Нужно помнить, что в те дни богословские споры были предметом горячего интереса не только для церковников и ученых, но и для всего греческого мира: распространялись листовки, на рынках перед толпой произно-

сились провокационные речи, мелом на стенах писались лозунги.

К концу 324 года Константин нашел решение проблемы. Больше не будет синодов или местных епископов; вместо этого будет всеобщий церковный собор, проводимый в Никее и обладающий такой властью, что и Арий, и Александр будут вынуждены принять его решения. Никея тоже могла похвастаться императорским дворцом, и именно в нем с 20 мая по 19 июня прошел собор. На нем присутствовали немногочисленные делегаты с Запада, где разногласия вызывали мало интереса; а вот представители с Востока прибыли в большом количестве – их было около трехсот или даже больше, и многих из них в прошлом преследовали за веру. Константин лично открыл слушания; он выглядел словно посланный Господом ангел с небес благодаря одеянию, которое мерцало и как будто излучало свет, отражало блеск пурпурной мантии и было богато украшено золотом и драгоценными камнями. Когда для него поставили низкое кованое кресло из золота, он не сел в него, пока епископы не подали ему знак садиться. После него расселись по местам и остальные присутствующие.

Богословская часть, которая составляла предмет спора, совершенно не интересовала Константина – с его военным складом ума он не особо вникал в теологические тонкости. Однако он был полон решимости положить конец разногласиям, а потому играл важную роль в последующих дебатах,

постоянно убеждая всех в необходимости единства и в пользе компромиссов; как-то раз, стараясь убедить своих слушателей, он даже перешел с латыни на греческий, хотя говорил на нем с запинками. Именно он предложил внести в черновик Символа веры ключевое слово, которое должно было по крайней мере на время решить судьбу Ария и его доктрины. Это было слово *homoousios*, что означает «тот же по сути», или «единосущный», и описывает связь Сына с Отцом. Включение этого слова в черновик было почти равносильно порицанию арианства, и это многое говорит об умении Константина убеждать: он смог обеспечить принятие этого термина, указав при этом, что его, разумеется, следует трактовать лишь в «его божественном и мистическом смысле»; другими словами, этот термин мог иметь в точности тот смысл, который ему захотят придать. К тому времени, как Константин закончил свою речь, почти все сторонники арианства согласились подписать окончательный документ и лишь двое продолжали возражать. Арий и его оставшиеся сторонники были официально осуждены, его писания преданы анафеме, и их приказано сжечь. Арию запретили возвращаться в Александрию. Однако его изгнание в Иллирию продолжалось недолго: благодаря настойчивым ходатайствам арианских епископов он скоро вернулся в Никомедию, где дальнейшие события доказали, что его бурная карьера ни в коем случае не завершилась.

Для Константина первый Вселенский собор христианской

церкви стал триумфом. Ему удалось добиться того, что все важные вопросы почти единодушно решались так, как он того желал. Он организовал великое объединение восточной и западной церквей и установил над ними свое моральное главенство. В общем, ему было с чем себя поздравить. Когда епископы наконец разъехались, каждый из них увозил с собой персональный подарок, который ему вручил сам император. Евсевий говорит, что на них это произвело глубокое впечатление – как и планировал Константин.

В начале января 326 года император отправился в Рим. Римлян глубоко оскорбило его решение отпраздновать двадцатилетие своего правления в Никее, поэтому он согласился повторить празднование в Риме, чтобы загладить нанесенную римлянам обиду и продемонстрировать им, что их не совсем уж игнорируют. В поездке его сопровождали несколько членов семьи: мать Елена, жена, императрица Фауста, сводная сестра Констанция, ее пасынок Лициний и первый сын императора цезарь Крисп. Однако компания эта не была приятной, так как взаимоотношения между входившими в нее людьми были хуже некуда.

Начнем с того, что Елена никогда не забывала, что Фауста – дочь императора Максимиана, приемного отца той самой Феодоры, которая почти сорок лет назад украла у нее мужа, Констанция Хлора. Фауста, в свою очередь, страшно негодовала, что незадолго до этого Константин возвысил свою мать до титула августы, который носила сама Фауста. Констанция

вспоминала о муже Лицинии, погибшем меньше двух лет назад, а ее пасынок знал, что у него самого нет никаких надежд прийти к власти и что теперь ему придется стоять в стороне, наблюдая, как Крисп получает те почести, которые в равной степени полагались ему самому. Что касается Криспа, то он уже некоторое время осознавал растущую зависть со стороны отца, вызванную его популярностью среди военных и гражданского населения, причем и те и другие уже превосходили по численности подданных императора. Однако ни одна из этих причин по отдельности не могла бы объяснить цепочку событий, начавшихся в феврале, когда император со свитой прибыл в Сердику. Без всякого предупреждения Криспа и Лициния арестовали, а через несколько дней предали смерти. Вскоре после этого за ними последовала и императрица Фауста, которую судьба настигла в кальдарии⁵ купальни, однако нам неизвестно, как именно ее убили – ошпарили кипятком, закололи, или она задохнулась от пара.

К несчастью для репутации Фаусты, по крайней мере четверо древних историков тем или иным образом связывают ее с судьбой ее пасынка, а один, Зосим (писавший, надо признать, в следующем веке), и вовсе приводит новые данные. Он пишет: «Криспа подозревали в том, что у него была любовная связь с приемной матерью Фаустой, и за это его казнили». Если эта теория верна, то существуют три возможности. Первая: Крисп и Фауста и в самом деле были любов-

---

⁵ Кальдарий – зал с горячей водой в римских термах.

никами; но тогда почему их не казнили одновременно? Вторая: Крисп предложил Фаусте любовную связь, которую та в гневе отвергла и сообщила об этом его отцу; но если так, то почему ее саму казнили? Остается третья гипотеза: Крисп не имел никаких притязаний на Фаусту, которая несправедливо обвинила его в этом (возможно, как предполагает Гиббон, она сделала это потому, что Крисп отверг *ее* заигрывания), а Константин, обнаружив ложность этих обвинений лишь после смерти сына, приказал лишить жизни и ее.

Вести об этих семейных распрях добрались до Рима раньше императора и лишь усилили недоверие, которое уже давно испытывали к нему жители города, в особенности простой народ. Римлян все больше беспокоили сообщения о роскошном новом городе на Босфоре; как республиканцы или, по крайней мере, наследники республиканской традиции они были шокированы видом правителя, который выглядел не как римский император, а как восточный владыка; будучи стойкими приверженцами традиционной религии, они осуждали его отказ от древних богов и принятие презренной христианской веры, которая ассоциировалась у них с уличной чернью и с самыми низами и отбросами римского общества. Они приняли Константина со всеми подобающими церемониями, но не старались скрыть свои истинные чувства; сам император тоже не прилагал никаких усилий по улучшению своей репутации в Вечном городе.

Однако Константин оказался более неутомимым в реше-

мости сделать Рим христианским городом. Он пожертвовал деньги на строительство третьей великой базилики, которая сейчас известна как базилика Святого Павла за городскими стенами (*Basilica di San Paolo fuori le mura*), посвящена святому Павлу и построена на месте захоронения святого на дороге в Остию, а также еще одной базилики в честь Святых Апостолов на Аппиевой дороге (сейчас это базилика Святого Себастьяна, *Basilica di San Sebastiano fuori le mura*). Однако самым важным его творением стала базилика, которую он велел построить на Ватиканском холме над тем местом, которое традиционно считают местом упокоения святого Петра.

Несомненно, бурная строительная деятельность Константина в Риме указывает на то, что он рассматривал город как главное вместилище христианской веры после Иерусалима и что он намеревался сделать все возможное, чтобы в архитектурном смысле город был достоин этого величия. В то же время сам он никогда не любил Рим и по возможности не оставался в нем дольше необходимого. Его сердце принадлежало Востоку, и у него было дело в Византии.

Когда Константин впервые увидел Византий, этому городу было почти 1000 лет; примерно в 600 году до н. э. на этом месте уже процветало небольшое поселение с акрополем на высоком месте (сейчас там стоит храм Св. Софии и дворец Топкапы). Когда построенный Константином новый

город Константинополь стал центром позднего римского мира, неизбежно возникли истории о сверхъестественных обстоятельствах, сопровождавших его основание: как император лично провел линию будущих стен своим копьем, а когда его спутники выразили удивление по поводу ее длины, он ответил им: «Я буду продолжать, пока мне не прикажет остановиться тот, кто идет впереди меня». Однако на самом деле в то время император просто планировал построить город, который будет носить его имя и служить вечным напоминанием о его величии и славе. Сделать этот город столицей империи его почти наверняка заставил второй визит в Рим, чьим республиканским и языческим традициям явно не было места в его новой христианской империи. В культурном и интеллектуальном смысле Рим все больше утрачивал связь с новым прогрессивным мышлением эллинистического мира. Римские академии и библиотеки больше не могли сравниться с библиотеками и академиями Александрии, Антиохии или Пергама. Такая же тенденция прослеживалась и в сфере экономики. В Риме и на большей части Апеннинского полуострова распространилась малярия, и население сокращалось; несравненно более серьезные экономические ресурсы того, что называлось *pars orientalis*⁶, были столь притягательны, что ни одно правительство не могло себе позволить их игнорировать.

Стратегические недостатки старой столицы были еще се-

---

⁶ Восточная область (лат.).

рьезнее. Главные угрозы безопасности теперь сконцентрировались вдоль восточных границ империи: сарматы в нижнем течении Дуная, остготы к северу от Черного моря и самые грозные из всех – персы, чье великое государство Сасанидов к этому времени расширилось от бывших римских провинций Армении и Месопотамии до самого Гиндукуша. Центр империи, да и всего цивилизованного мира безвозвратно сместился на восток. Италия превратилась в захолустье.

Центральной точкой нового города Константина стал Миллий, или Первый мильный камень. Четыре триумфальные арки образовывали квадрат и поддерживали купол, на котором была установлена самая почитаемая реликвия христианства – Крест Господень, который за пару лет до того прислала из Иерусалима императрица Елена. От этого сооружения отсчитывались все расстояния в империи, и, по сути, это был центр мира. Чуть восточнее, на месте прежнего храма Афродиты, возвели первую большую христианскую церковь новой столицы, посвященную не святому или мученику, а Святому Миру, св. Ирине. Через несколько лет к этой церкви присоединилась еще одна, которая несколько затмила ее; это более масштабная и еще более роскошная церковь Премудрости Божьей, или собор Святой Софии; однако пока у церкви Святой Ирины не было соперниц. Примерно в четверти мили (0,4 км) от нее по направлению к Мраморному морю располагался огромный Ипподром Константина,

на центральной оси которого поставили один из самых древних классических трофеев города – так называемую Змеиную колонну, которую Константин привез из Дельф, где ее установили в храме Аполлона от имени 31 греческого города в благодарность за победу над персами в битве при Платеях в 479 году до н. э.⁷. В центре восточной части Ипподрома из императорской ложи шла витая лестница, открывавшая прямой доступ к дворцу, который представлял собой обширный комплекс приемных залов, правительственных учреждений, домашних покоев, бань, армейских казарм и плацев.

Прямо к западу от Милия пролежала широкая главная улица, известная как Меса, которую заложил еще Луций Севёр; на ней Константин расположил великолепный новый форум овальной формы, целиком вымощенный мрамором. В центре форума возвышалась 37-метровая порфировая колонна, привезенная из египетского города Гелиополь и установленная на семиметровом мраморном постаменте. На постаменте располагались различные реликвии, среди которых был топор, при помощи которого Ной строил ковчег, корзины и остатки хлебов, которыми Христос накормил народ, сосуд с мазью святой Марии Магдалины и статуя Афины, привезенная Энеем из Трои. На верхушке колонны была установлена статуя с телом Аполлона работы Фидия и головой Константина, окруженной металлическим нимбом с расхо-

---

⁷ Считается, что головы трех переплетенных между собой змей отрубил пьяный сотрудник посольства Польши в Порте в 1700 г. – *Прим. автора.*

дющимися от него солнечными лучами. В правой руке статуи был скипетр, а в левой – сфера с частицей Животворящего Креста. В этой статуе вновь объединились христианские и языческие символы, однако на этот раз все они были подчинены одному верховному существу – императору Константину⁸.

Вокруг дворца, церкви и Ипподрома круглосуточно трудились десятки тысяч рабочих и ремесленников, а благодаря массовому разграблению, лишившему города Европы и Азии самых прекрасных статуй, памятников и предметов искусства, Константинополь был прекрасным и величественным городом (хотя и не очень большим), уже когда его торжественно открыли – как и планировал Константин, по этому поводу устроили особую церемонию, ставшую кульминацией его серебряного юбилея. Император присутствовал на торжественной мессе в церкви Святой Ирины, а языческое население молилось за процветание города и императора в тех храмах, которыми он дозволил им пользоваться. Именно с этой службы, во время которой город посвятили Святой Деве Марии, действительно началась история Константинополя, а с ним и история Византийской империи. Это произошло 11 мая 330 года. Как нам достоверно известно, это был понедельник.

---

⁸ Колонна Константина стоит и по сей день, но еле-еле. После несчастного случая в 416 г. ее скрепили железными обручами; во время бури в 1106 г. статуя императора обрушилась. Сегодня колонна представляет собой печальное зрелище. – *Прим. автора.*

Всего за шесть лет до описываемых событий Византий был одним из множества маленьких греческих городков; теперь, возрожденный и получивший новое имя, он стал «новым Римом», а его официальное название с гордостью вырезали на каменной колонне в недавно построенном здании суда. Надо признать, что в старом Риме люди сохранили все свои древние привилегии. Торговля тоже шла как и прежде, и порт в Остии оставался оживленным. Однако несколько старинных сенаторских семей начали потихоньку перебираться на Босфор, соблазнившись посулами в виде великолепных дворцов в городе и обширных поместий во Фракии, Вифинии и Понте, а в новой столице для них построили более просторное и гораздо более пышное здание сената. Тем временем во всех городах империи разыскивались произведения искусства, которыми предполагалось украсить растущий город; предпочтение обычно отдавалось храмовым статуям древних богов, поскольку, вынося их из традиционных святилищ и выставляя на публичное обозрение в неосвященных местах в эстетических, а не в религиозных целях, Константин мог нанести чувствительный удар по прежним языческим верованиям.

В 327 году его мать, императрица Елена, в возрасте 72 лет отправилась в Святую землю, где епископ Макарий Иерусалимский провел ее по главным священным местам и где, согласно традиционным верованиям, она нашла Крест Госпо-

день, отличив его от тех двух, на которых были распяты разбойники: она возложила его на умирающую женщину, и та чудесным образом исцелилась. Вскоре после того как Крест прибыл в новую столицу, Константин отправил его частицу в Рим, велел поместить во дворце, который его мать всегда занимала во время визитов в город и который он приказал превратить в церковь. Это здание по сей день известно как базилика Святого Креста (ит. *Basilica di Santa Croce in Gerusalemme*), но с тех самых пор оно неразрывно связано со святой Еленой. Тем временем в Иерусалиме, в храме Гроба Господня, выровняли окружавшую могилу Христа скалу, чтобы получился большой внутренний двор. В одном его конце располагалась сама могила, а в восточной части стояла новая базилика Константина. Ее внешние стены сложили из хорошо отполированного камня, а внутренние облицевали многоцветным мрамором до самого позолоченного кессонного потолка. Сегодня мало что осталось от этих великолепных построек: пожары и землетрясения не прошли для них даром, а остальное довершило время – шестнадцать с половиной веков. Однако, даже если в этих святилищах сегодня вряд ли найдется хоть один камень, сохранившийся со времен Константина, все же нам осталось довольно большое количество построек, существующих исключительно благодаря ему и его матери. Ее паломничество по святым местам захватило воображение всего христианского мира. Мы не знаем, как долго она пробыла в Леванте, неизвестны и обстоя-

тельства ее смерти. Возможно, она умерла в Святой земле, став первой известной в истории христианской паломницей.

На протяжении праздничных церемоний, которыми Константин открыл свою новую столицу и новую эпоху для Римской империи, он с тревогой осознал, что потерпел неудачу в одном очень важном деле: несмотря на все усилия для объединения христианской церкви, она осталась такой же разделенной, какой была всегда. Большая часть вины лежала на главных христианских священнослужителях. Они, очевидно, считали, что на карту поставлены жизненно важные вопросы, ради которых, как многие из них уже доказали, они были готовы на изгнание и даже на мученичество; тем не менее бесконечными пререканиями и ссорами, ненавистью и фанатизмом, нетерпимостью и злобой они подали пример пастве, и этому примеру со слишком большой готовностью следуют бесчисленные поколения их последователей.

Архиепископ Александр умер в 328 году; его место в Александрии занял его бывший капеллан Афанасий. Они вместе участвовали в Никейском соборе, где Афанасий показал себя даже более искусным и находчивым, чем его начальник. В последующие годы он проявил себя ведущим священнослужителем своего времени, одним из влиятельнейших людей во всей истории христианской церкви и святым. (Долгое время его ошибочно считали автором Афанасьевского Символа веры, который до сих пор носит его имя.) У Ария и его приверженцев не было более грозного про-

тивника, однако пока их звезда снова поднималась к зениту. Арий никогда не утрачивал поддержки императорской семьи, в частности матери Константина и его сводной сестры Констанции, а епископы из Азии тоже серьезно склонялись в своих симпатиях на его сторону. Уже в 327 году они убедили Константина вернуть Ария из ссылки и дать ему аудиенцию; император, на которого произвели впечатление не только блестящий ум и очевидная искренность этого человека, но и его уверения в том, что он принял все вопросы веры, одобренные в Никее, лично писал архиепископу Александру, убеждая того разрешить Арию вернуться в Египет. Похоже, Константин искренне удивился, когда архиепископ выразил нежелание подчиниться его просьбе.

Таким образом, император постепенно пришел к выводу, что теперь главным препятствием на пути к единству церкви следует считать не Ария, а Афанасия. К этому времени он планировал отпраздновать в 335 году тридцатилетие своего правления, освятив перестроенный храм Гроба Господня в Иерусалиме. Он предложил созвать там собор из многочисленных епископов со всей империи и был решительно настроен на то, что среди них воцарится гармония по богословским вопросам. В соответствии с этим он приказал, чтобы епископы по дороге в Иерусалим провели синод в Тире, чтобы, как он обезоруживающе выразился, «освободить церковь от богохульства и облегчить бремя моих забот». Синод созвали на июль, однако вскоре стало ясно, что присутствовать

на нем будут почти исключительно епископы-ариане, так что он станет не столько собранием выдающихся священнослужителей, сколько судом над Афанасием. Вспомнили старые обвинения, выдвинули новые, призвали толпы новых свидетелей, каждый из которых был готов поклясться, что архиепископ совершил все преступления, перечисленные в своде законов. Афанасий, полагая (возможно, справедливо), что его жизнь находится в опасности, бежал тогда в Константинополь. В его отсутствие его сместили с должности, после чего синод завершил свою работу, и его члены продолжили путешествие в Иерусалим. Прибыв в столицу, Афанасий отправился прямиком во дворец, но в аудиенции ему отказали. Вместо этого разгневанный Константин изгнал его в Августу-Треверорум (современный Трир), после чего вернулся к прерванной задаче – обеспечить принятие Ария в Александрии.

Однако решить эту задачу ему не удалось. Любая попытка Ария вернуться вызывала в городе новые мятежи, руководил которыми сам преподобный Антоний Великий, которому было уже 86 лет и который покинул свое отшельническое жилище в пустыне, чтобы бороться за дело ортодоксальности. В итоге Константина убедили призвать Ария в Константинополь для дальнейшего исследования его убеждений. Именно во время этого последнего расследования, как позже писал своей египетской пастве Афанасий, «Арий, которому придали смелости защита его последователей, был занят беспеч-

ной и глупой беседой, пока ему не пришлось отойти по нужде; там он сразу же рухнул головой вперед, его разорвало по середине, и он испустил дух».

Конечно, эта история написана заклятым врагом Ария; однако, несмотря на существование нескольких разных версий произошедшего, непривлекательные обстоятельства его кончины слишком хорошо засвидетельствованы, чтобы вызывать сомнения. Этот конец неизбежно был истолкован ненавидевшими его как божественное возмездие, однако со смертью Ария не закончились ни богословские противоречия, ни изгнание Афанасия, которое продлилось до смерти Константина в 337 году. Мечте императора о духовной гармонии во всем христианском мире не суждено было сбыться при его жизни, а мы и сегодня по-прежнему ждем ее исполнения.

Хотелось бы узнать побольше о праздновании тридцатилетия царствования Константина в Иерусалиме; в Константинополе эта церемония была исключительно христианской, в отличие от празднований по случаю освящения города. (С 331 по 334 год Константин закрыл все языческие храмы в империи.) В ходе этих празднований он воспользовался возможностью объявить о назначении двух своих племянников на ключевые государственные посты. Старшего, Далмация, он объявил цезарем, а младшему, Ганнибалиану, отдал в жены его двоюродную сестру – свою дочь Константину, после

чего отправил его вместе с невестой править Понтом – диким гористым регионом, протянувшимся до омываемого дождями южного побережья Черного моря.

С возвышением этих молодых людей число правящих цезарей увеличилось до пяти, поскольку трое сыновей Константина от Фаусты уже получили данный титул; младший, Констант, стал цезарем за два года до того, в возрасте десяти лет. Увеличивая число цезарей, император намеренно пытался уменьшить их престиж: с возрастом он все больше верил в божественный промысел, который выделял его среди всех прочих людей. Однако это нежелание передавать власть в столице налагало на него исполинский объем работы. Первые месяцы 337 года он провел в Малой Азии, занимаясь мобилизацией армии против молодого персидского царя Шапура II и демонстрируя энергию, стойкость и выносливость, которые сделали его легендой среди подданных. Незадолго до Пасхи Константин вернулся в Константинополь, чтобы проследить за завершением строительства церкви Святых Апостолов, начатого за несколько лет до того. Возможно, он уже подозревал, что болен, так как именно тогда приказал приготовить ему могилу в этой церкви; однако его здоровье серьезно пошатнулось лишь после Пасхи. Он пытался лечиться ваннами в Еленополе – городе, который он перестроил в честь своей матери; именно там, как рассказывает нам Евсевий, «опустившись на пол в церкви, он впервые получил рукоположение в молитве», то есть стал новообращенным.

После этого он отправился обратно в столицу, однако, доехав до пригорода Никомедии, понял, что не может двигаться дальше. Важный шаг, который он так долго обдумывал, больше нельзя было откладывать.

Вот так Константин Великий, много лет бывший самопровозглашенным епископом христианской церкви, получил крещение от епископа Евсевия Никомедийского, а когда обряд завершился, он «нарядился в императорские одежды, белые и сияющие словно свет, и лег на кушетку чистейшего белого цвета, отказавшись когда-либо одеваться в пурпур».

На протяжении всей истории возникал вопрос: почему же Константин откладывал свое крещение до смертного одра? Самый очевидный и подходящий ответ дает Гиббон:

Таинство крещения должно было содержать в себе полное и абсолютное искупление грехов, душа после него мгновенно обретала свою изначальную чистоту и получала право на обещание вечного спасения. Среди новообращенных христиан было много таких, кто считал неразумным слишком рано проводить этот исцеляющий обряд, который нельзя повторить, и понапрасну растрачивать бесценную привилегию, которую никогда нельзя будет обрести снова.

Константин умер 22 мая 337 года, на Троицу, пробыв у власти 31 год. Его тело поместили в золотой гроб, завернутый в пурпурную ткань, и привезли в Константинополь, где его торжественно установили на высоком постаменте в

главном зале дворца. Тело оставалось там в течение трех с половиной месяцев; никто не был уверен, кто из пяти цезарей займет освободившийся трон, поэтому все это время придворный церемониал проходил так, словно Константин не умер. Что касается преемника, то первой свои пожелания должна была высказать армия. Хотя титул августа оставался выборным (по крайней мере, в теории), солдаты повсюду объявляли, что они не примут никого, кроме сыновей Константина, правящих совместно. Крисп был мертв; оставались три сына, рожденные Фаустой: цезарь в Галлии Константин II, цезарь на Востоке Констанций и цезарь в Италии Констант⁹; естественно, именно двадцатилетний Констанций поспешил в столицу после смерти отца и руководил его похоронами.

Событие это стало исключительным, как и планировал Константин. Похоронную процессию возглавил Констанций и отряды солдат в полном боевом облачении; следом везли тело в золотом гробу, в окружении копейщиков и тяжеловооруженной пехоты. От Большого дворца процессия шла к Милию мимо северо-восточного угла Ипподрома, а от Милия по улице Меса к недавно достроенной церкви Святых Апостолов. Евсевий говорит нам, что «на самом деле Константин выбрал это место для своего упокоения, ожидая, что

---

⁹ Печальный недостаток воображения, который Константин продемонстрировал, выбирая имена для своих детей, вызывает большое замешательство среди историков, не говоря уже о читателях. Последних может утешить тот факт, что это продолжалось лишь в одном поколении. — *Прим. автора.*

его тело разделит с апостолами их почетный статус»:

В соответствии с этим он приказал установить в церкви двенадцать саркофагов, которые должны были служить священными стелами в память и в честь двенадцати апостолов, а его саркофаг установить в центре, чтобы по обеим сторонам было по шесть апостольских колонн.

На протяжении последних нескольких лет жизни Константин регулярно использовал титул *Isapostolos*, «равноапостольный»; после смерти он, так сказать, придал этому приращению физическую суть. То, что он выбрал себе место среди равных, по шестеро с каждой стороны, дает веские основания предполагать, что он считал себя даже более великим, чем апостолы, – возможно, символом Спасителя в образе человека, наместником Господа на земле.

Однако место своего упокоения Константин занимал недолго. В своей столице, как и во многих городах империи, он пытался строить слишком много и слишком быстро, поэтому при строительстве хронически не хватало умелых рабочих, и часто экономили на фундаментах, толщине стен и опорных конструкциях. Через четверть века после завершения строительства здание церкви Святых Апостолов стало внушать опасения. Довольно быстро возникла неминуемая угроза обрушения большого золотого купола, и непопулярный патриарх Македоний приказал перенести тело императора в более безопасное место – расположенную неподалеку

церковь Святого Мученика Акакия. Однако здание не рухнуло, как того опасался патриарх; хоть и ненадежно стоящее, оно просуществовало еще два века, пока в 550 году его полностью не перестроил Юстиниан. Не осталось ни следа ни от двенадцати апостольских саркофагов, ни от расположенной между ними могилы великого императора.

Юлиан Отступник (337–363)

В первые недели после смерти императора молодой Константин вел себя безупречно. Однако, как только его отец благополучно упокоился в своей огромной апостольской могиле, а Констанция и двух его братьев единодушно объявили августами, он сорвал с себя маску кротости. Был намеренно пущен слух, что после смерти Константина в его сжатом кулаке нашли обрывок пергамента, в котором он обвинял двух сводных братьев Констанция – Юлия Констанция и Далмация – в том, что они его отравили, и призывал троих сыновей к мести.

Эта история выглядит, мягко говоря, неправдоподобной, но эффект она произвела ужасающий. Юлия Констанция безжалостно убили вместе со старшим сыном; так же поступили и с Далмацием и двумя его сыновьями – цезарями Далмацием Младшим и Ганнибалианом, царем Понтийским. Вскоре похожая судьба постигла и двух зятьев Константина. Не считая трех маленьких мальчиков (двух сыновей Юлия Констанция и единственного отпрыска Непоциана и Евтропии), три правящих августа, собравшиеся в начале лета 338 года для раздела своего огромного наследства, ока-

зались единственными живыми членами императорской семьи мужского пола. Констанцию досталась восточная часть империи, включавшая в себя Малую Азию и Египет. Его старший брат Константин II должен был остаться правителем Галлии, Британии и Испании, а младшему, пятнадцатилетнему брату Константу, отошла самая большая территория: Африка, Италия, Дунай, Македония и Фракия. Теоретически это давало Константу власть над столицей, однако это не имело значения, так как в 339 году он добровольно уступил город своему брату в обмен на поддержку против Константина II.

Возможно, начавшиеся вскоре ссоры между тремя августами были неизбежны. Похоже, их главным зачинщиком стал Константин. Будучи самым старшим из братьев, он не смог считать своих соправителей равными себе и вечно пытался доказать свой авторитет. Именно отказ Константа подчиниться его воле привел к тому, что Константин в 340 году вторгся в Италию из Галлии, однако Констант оказался для него слишком умен: он напал на брата и его армию из засады у города Аквилея. Константина убили и бросили его тело в реку Аусса. С этого времени остались лишь два августа, и семнадцатилетний Констант получил верховную власть на Западе.

К несчастью, характер у Константа был не лучше, чем у его второго брата. Секст Аврелий Виктор, римский консуляр провинции Паннония, описывал его как «правителя, отли-

чавшегося чудовищной безнравственностью»; он совершенно не заботился об основных легионах вдоль Рейна и верховий Дуная, предпочитая предаваться удовольствиям с некоторыми из своих светловолосых германских пленников. К 350 году армия находилась на грани восстания, и ситуация дошла до критической точки во время пира, устроенного одним из главных сановников: офицер-язычник по имени Магненций внезапно надел пурпурное императорское одеяние, а прочие гости провозгласили его императором. Услышав об этом, Констант попытался сбежать, но его быстро поймали и предали смерти. Узурпатор пробыл у власти недолго: Константин немедленно выступил против него во главе большой армии. В сентябре 351 года Магненций потерпел полное поражение, а через два года покончил с собой.

Теперь Констанций был неоспоримым единоличным правителем Римской империи, однако ему причиняли все большее беспокойство германские союзы за Рейном. Несколько мелких заговоров удалось выявить и в его армии. К тому же Персидская война была еще далека от завершения, и он не мог бесконечно оставаться на Западе. К осени 355 года Констанций понял, что ему придется назначить еще одного цезаря. Исходя из того, что любого нового цезаря следовало выбирать из ближайших родственников императора, существовал лишь один возможный кандидат. Философ и ученый, он не имел ни военного, ни даже административного опыта, но был умен, серьезен и трудолюбив, а его преданность нико-

гда не вызывала сомнений, поэтому посланников спешно отправили за ним в Афины. Это был двадцатитрехлетний двоюродный брат императора Флавий Клавдий Юлиан, больше известный потомкам как Юлиан Отступник.

Отец Юлиана, Юлий Констанций, был младшим из двух сыновей, которых родила императору Констанцию Хлору его вторая жена Феодора. Эта ветвь императорской семьи была вынуждена держаться в тени после того, как Константин возвысил предшественницу Феодоры Елену до титула августы, и Юлий Констанций провел большую часть жизни в изгнании, пока Константин не пригласил Юлия Констанция вместе с его второй женой и маленькими детьми вернуться в Константинополь. Там в 332 году родился его третий сын Юлиан. Мать младенца умерла несколько недель спустя, так что его самого и его сводных братьев и сестру, которые были намного старше, воспитывала череда нянек и учителей, находившихся под не слишком пристальным надзором отца. Затем, когда Юлиану было всего пять лет, его отца убили – он стал первой жертвой в кровавой бойне, которая последовала за восшествием на престол его племянника. Нет документальных доказательств того, что Юлиан был свидетелем этого убийства, но это событие оставило в его душе глубокий шрам, и, когда он начал постепенно понимать, кто ответственен за это злодеяние, его прежнее уважение к двоюродному брату сменилось неугасающей ненавистью.

Для Констанция молодой Юлиан был всего лишь мелкой

помехой. Сначала император отправил его к Евсевию в Никомедию, а затем, когда Юлиану исполнилось одиннадцать, в далекую Каппадокию, где единственной компанией для мальчика стали книги. В 349 году, будучи уже очень начитанным в классической и христианской литературе, Юлиан получил разрешение заняться учебой всерьез. Следующие шесть лет были самыми счастливыми в его жизни: он провел их в путешествиях по греческому миру, перемещаясь от одной философской школы к другой, сидя у ног величайших мыслителей, ученых и риторов того времени. Из учителей его больше всех привлекал Либаний, который отверг христианство и оставался гордым и убежденным язычником; вскоре и Юлиан решил отказаться от христианства в пользу языческих богов Античности, хотя прошло еще десять лет, прежде чем он смог заявить о своей новой вере открыто. Его соученик из Афин Григорий Назианзин (Григорий Богослов) вспоминал о нем так:

Не было никаких признаков сильного характера в этой странно повернутой шее, в сутулых подергивающихся плечах, в диком и быстром взгляде, в раскачивающейся походке, в надменной манере дышать через крупный нос, в нелепом выражении лица, в нервном неконтролируемом смехе, в вечно кивающей голове и прерывистой речи.

Следует признать предвзятость Григория, одного из ведущих христианских богословов империи, однако нарисо-

ванный им портрет кажется достоверным и подкреплён, по крайней мере отчасти, другими дошедшими до нас описаниями. Юлиан не был красавцем. Он был коренастым и приземистым; впечатление, которое производили красивые тёмные глаза и прямые брови, портил огромный рот и отвислая нижняя губа. Он был совершенно лишен честолюбия и просил лишь позволить ему оставаться в Афинах со своими учителями и книгами; однако он не мог послушаться приказа императора явиться в Милан. После нескольких дней мучительного ожидания Констанций принял его должным образом и сообщил, что отныне он цезарь. Его подстригли, сбрили бороду, нескладное тело втиснули в военную форму, и 6 ноября его официально приветствовало собравшееся войско.

Юлиан быстро учился. Именно он, а не его осторожные военачальники, провёл летом 356 года стремительный марш-бросок от Вены до Кёльна и вернул империи этот город. В следующем году под Страсбургом 13 000 его легионеров разбили тридцатитысячную армию франков, оставив на поле 6000 мертвых врагов и потеряв при этом всего 247 человек. За этой победой последовали и другие, и к концу десятилетия правление императора было восстановлено вдоль всех границ. А на Востоке, куда после краткого визита в Рим уже давно вернулся Констанций, ситуация была гораздо менее благоприятной. В 359 году император получил от персидского царя послание:

Шапур¹⁰, царь царей, брат Солнца и Луны, шлет приветствие...

Ваши писатели – свидетели того, что вся территория между рекой Стримон и границами Македонии некогда принадлежала моим праотцам; но поскольку я нахожу удовольствие в умеренности, я буду удовлетворен, получив Месопотамию и Армению, которые обманом отняли у моего деда. Я предупреждаю вас: если мой посланник возвратится ни с чем, я пойду на вас войной со всеми своими армиями, как только настанет конец зимы.

Констанций осознал, что столкнулся с самой трудной задачей своего правления, и в январе 360 года отправил трибуна в Париж, потребовав прислать огромные подкрепления. Юлиан оказался перед перспективой одним махом лишиться доброй половины своей армии; более того, ранее он обещал своим галльским отрядам, что их никогда не пошлют на Восток. Они, со своей стороны, знали, что если отправятся туда, то никогда больше не увидят свои семьи, которые останутся без средств к существованию и превратятся в легкую добычу для варваров, вновь во множестве вторгшихся на территорию империи.

Мы никогда не узнаем наверняка, что именно произошло в ставке Юлиана в Париже в те роковые дни. По его словам, он был решительно настроен подчиниться приказам импера-

---

¹⁰ Шапур II (309–379) – царь Персидской державы Сасанидов.

тора, какими бы нежеланными они ни были лично для него; однако легионеры и слышать об этом не желали. Вскоре он понял, что столкнется с открытым мятежом. И даже тогда – он призывал в свидетели тому всех богов – он понятия не имел, что на уме у его солдат. Собираются ли они объявить его новым августом или разорвать на куски? Вскоре к нему пришел дрожащий управляющий и сообщил, что на дворец идет армия. Юлиан писал:

Затем, глядя в окно, я молился Зевсу. Когда шум и крики донеслись до дворца, я молил его послать мне какой-нибудь знак; и он послал его, приказав подчиниться воле армии. И даже тогда я сопротивлялся так долго, как только мог, отказываясь принять и приветственные возгласы, и диадему. Поскольку я не мог контролировать такое количество людей в одиночку, а боги, по чьей воле это случилось, ослабили мою решимость, примерно на третий час кто-то из солдат протянул мне золотую цепь, и я надел ее на голову и вернулся во дворец.

Не слишком ли долго противился Юлиан? Четыре с половиной года, проведенные в Галлии, придали ему мужества, уверенности и, возможно, честолюбия. К тому времени он, похоже, тоже уверовал в свое божественное предназначение: восстановить в империи прежнюю религию; и как только он получил «знак от Зевса», он, скорее всего, не так уж неохотно принял императорскую диадему. Единственной трудностью было то, что никакой диадемы не существовало. Амми-

ан Марцеллин, один из телохранителей императора и свидетель тех событий, пишет, что солдаты сначала предложили короновать Юлиана ожерельем его жены, потом налобником из конской упряжи, но он отказался и от первого, и от второго. Наконец один из солдат снял с шеи толстую золотую цепь и возложил ее на голову императора. Выбор был сделан, дороги назад не было.

Юлиан не спешил выступать на Восток. Сначала он должен был сообщить двоюродному брату о произошедшем и предложить как-то договориться между собой. Его гонцы застали Констанция в Цезарее в Каппадокии. Получив послание, Констанций впал в такую ярость, что гонцы испугались за свою жизнь. Будучи тогда связанным проблемами на Востоке, в открытую он мог лишь послать Юлиану строгое предупреждение; втайне же он стал подстрекать племена варваров к возобновлению наступления вдоль Рейна. Лишь четыре года спустя, воспользовавшись временным затишьем в персидской кампании, Констанций смог подготовить полномасштабную атаку на своего кузена. Юлиан пребывал в глубокой неуверенности по поводу того, как лучше отреагировать: встретить Констанция на полпути, обеспечив по возможности лояльность размещенных вдоль Дуная войск, или дожидаться его в Галлии, на своей земле, где он мог быть уверен в своей армии. Рассказывают, что боги вновь послали ему знак. Сделав остановку для ритуального жертвоприношения быка богине войны Беллоне, он собрал армию под Ве-

ной и выступил на Восток. Он дошел только до Наиса (город Ниш в нынешней Сербии), когда прибыли гонцы из столицы с сообщением, что Констанций умер, а многочисленная армия на Востоке уже провозгласила Юлиана императором. Похоже, в Тарсусе у Констанция началась лихорадка, и 3 ноября 361 года он умер в возрасте 44 лет.

Юлиан, не выказав ни облегчения, ни ликования, поспешил в Константинополь. Когда тело его предшественника привезли в столицу, он оделся в глубокий траур, приказал сделать то же самое всему городу и стоял на пристани, наблюдая за тем, как гроб выгружают с корабля. Позже он возглавил похоронную процессию в церковь Святых Апостолов и без зазрения совести плакал, пока хоронили убийцу его отца. Только после окончания церемонии он принял атрибуты императорской власти. Больше он ни разу не входил в христианскую церковь.

После восшествия Юлиана на престол всем в Константинополе очень быстро стало ясно, что новый режим будет разительно отличаться от прежнего. Был назначен военный трибунал для расследования злоупотреблений некоторых министров и советников Констанция. Нескольких из них приговорили к смерти, двоих из этих приговоренных приказали похоронить заживо. В императорском дворце новые порядки были еще более заметны: тысячи людей были уволены без долгих рассуждений и компенсации; император оставил лишь самый необходимый персонал, который тре-

бовался ему для собственных нужд. Он был одиноким холостяком (его жена Елена к тому времени умерла) и вел аскетичный образ жизни; еда и вино интересовали его мало, а бытовые удобства вовсе были не важны. Такие же радикальные реформы прошли в правительстве и администрации и были главным образом направлены на возвращение прежних республиканских традиций.

Однако подобные меры мог бы принять любой сильный правитель. Уникальным Юлиана делает его убежденная преданность язычеству. В годы, проведенные в звании цезаря, он был вынужден на словах поддерживать христианскую веру, но, едва узнав о смерти Констанция, он больше не притворялся. Именно как открыто признающий себя язычником император, Юлиан взялся за составление законов, которые, по его убеждению, окончательно уничтожат христианство и вернут почитание античных богов во всей Римской империи. Он полагал, что преследовать христиан не придется, так как мученики, похоже, всегда оказывали тонизирующий эффект на христианскую церковь. Первое, что следовало сделать, — отменить законы, по которым были закрыты языческие храмы. После этого объявили амнистию для тех ортодоксальных священнослужителей, которых отправило в ссылку проарианское правительство Констанция. Ортодоксы и ариане вскоре вновь вцепились друг другу в горло, ибо, как заметил Аммиан Марцеллин, «по опыту известно, что ни один дикий зверь не бывает столь враждебен по отношению к человеку,

как большинство христианских сект по отношению друг к другу». После этого вопросом времени было бы осознание христианами ошибочности своих взглядов.

Юлиан сочетал в себе уникальные качества: он был римским императором, греческим философом и мистиком. Как император он понимал, что его империя больна: боевой дух армии упал, и она едва могла поддерживать мир на границах; правительство было поражено коррупцией; прежние римские добродетели – разум и долг – исчезли. Непосредственные предшественники Юлиана на троне были сибаритами и сластолюбцами, еще способными повести войска на битву, но гораздо больше любившими полулежать во дворцах в окружении женщин и евнухов. Несомненно, все это было результатом морального разложения. Однако как философ Юлиан был полон решимости выяснить причину этого упадка, и он пришел к выводу, что ответом на этот важнейший вопрос служит лишь одно слово – христианство. Это оно жестоко прошло по всем прежним добродетелям, сделав упор на таких слабых, присущих женщинам качествах, как мягкость, кротость и умение подставить другую щеку. Это оно выхолостило империю, лишив ее силы и мужественности и заменив их беспомощностью, влияние которой было всюду заметно.

Как бы сильно ни любил Юлиан философские и теологические дискуссии, его подход к религии всегда был скорее эмоциональным, нежели интеллектуальным. Ему ни на се-

кунду не приходило в голову, что он может ошибаться и что в конце концов прежняя религия может и не одержать верх. Наоборот, она, похоже, не торопилась возвращаться. Летом 362 года Юлиан перенес свою столицу в Антиохию, готовясь к походу в Персию, который планировался на следующий год. Когда император проходил через сердце Малой Азии, то с беспокойством отмечал, что христианские общины вовсе не стремятся уничтожить друг друга, а язычники не стали заметно более сильными или сплоченными, чем во времена Константина. Напрасно Юлиан перемещался от храма к храму, лично совершая жертвоприношения, пока подданные не прозвали его Мясником. Преобладающая повсюду апатия была непоколебима.

Если язычников нельзя было пробудить к жизни, значит, оставалось только усилить давление на христиан, и 17 июня 362 года Юлиан издал эдикт, нанесший им сокрушительный удар. Эдикт провозглашал, что отныне ни один учитель не может следовать своему призванию, не получив предварительно одобрения местного городского совета, а через него одобрения самого императора. В циркуляре к эдикту Юлиан пояснял, что ни один христианин, утверждающий, что он преподает классических авторов – а они в те времена занимали почти весь учебный план, – не может обладать требуемыми моральными устоями, так как он преподает предметы, в которые сам не верит. Следовательно, он должен отказаться либо от средств к существованию, либо от веры. В

знак протеста христиане устроили демонстрации, и 26 октября храм Аполлона Дафнийского был сожжен до основания. В ответ на это Юлиан закрыл Великую церковь в Антиохии и конфисковал всю ее золотую утварь. Напряженность быстро росла, ситуация накалялась, и многие пылкие молодые христиане приняли мученическую смерть. 5 марта 363 года стало по-настоящему благословенным днем для христиан, так как Юлиан во главе 90-тысячного войска выступил в поход на Восток, из которого не вернулся живым.

В войне с Персией не было ничего нового: две большие империи постоянно воевали на протяжении последних 250 лет. Шапуру II было в то время 54 года, и все это время он занимал персидский трон; технически он правил даже немного дольше, так как стал единственным за всю историю монархом, которого короновали *in utero*¹¹. Как рассказывает Гиббон, «царское ложе, на котором лежала беременная царица, было выставлено посреди дворца; диадему возложили на то место, где предположительно скрывалась голова будущего наследника Артаксеркса, а простершиеся ниц сатрапы преклонились перед величием своего невидимого и неосяземого правителя».

В последний раз эскалация военных действий произошла в 359 году, когда Шапур захватил важную крепость Амида (город Диярбакыр в современной Турции), откуда контро-

---

¹¹ В утробе матери (лат.).

лировались и истоки Тигра, и подходы к Малой Азии с востока. После этого со стороны римлян требовалась серьезная атака, если они не хотели, чтобы ситуация всерьез вышла из-под контроля. Юлиан, веривший, что есть основания считать его воплощением самого Александра Македонского, нетерпеливо стремился к такой же славе. У города Верия (современный Алеппо) он принес в акрополе в жертву Зевсу белого быка. Жертвоприношения совершались и дальше во всех главных языческих святилищах на пути армии; после нескольких небольших осад и мелких стычек с врагом Юлиан оказался на западном берегу Тигра, откуда ему были видны стены персидской столицы Ктесифона. На противоположном берегу реки стояла персидская армия, уже выстроенная в боевом порядке и готовая к битве, и римские военачальники с тревогой заметили, что в ней, помимо обычной кавалерии, были слоны – мощное оружие не только потому, что римские солдаты не знали, что с ними делать, но и потому, что запах слонов пугал и заставлял паниковать их лошадей. Тем не менее Юлиан отдал приказ переправиться через реку и вступить в бой. К удивлению многих участников битвы с обеих сторон, она закончилась решительной победой римских войск. По свидетельству Аммиана Марцеллина, принимавшего участие в битве, 2500 персов были убиты, римляне же потеряли лишь 70 человек.

Битва состоялась 29 мая; однако уже к утру следующего дня ситуация изменилась, так как император понял, что

Ктесифон практически неприступен и что к городу быстро приближается главная армия Шапура, численность которой была гораздо больше того войска, которое он только что победил. Кроме того, опасность представлял низкий боевой дух римской армии. Еды было мало, реки разлились, стояла убийственная жара, а мух, по рассказам Аммиана, было так много, что они застили собой солнечный свет. Юлиан, продолжает Марцеллин, все еще склонялся к тому, чтобы продвигаться дальше по территории Персии, но его военачальники воспротивились. 16 июня началось отступление. Десять дней спустя у города Самарра армия внезапно подверглась серьезной атаке. В бой вновь ввели наводящих ужас слонов, и снова воздух наполнился летящими копьями и стрелами. Не тратя времени на то, чтобы закрепить нагрудник, Юлиан бросился в гущу битвы, криками подбадривая своих солдат и сражаясь в их рядах. Когда персы уже начали отступать, ему в бок вонзилось пущенное кем-то копье. Оно попало глубоко в печень, и, хотя его извлекли, оно сделало свое дело. Юлиан умер незадолго до полуночи; рассказывают, что он зачерпнул рукой струящуюся из раны кровь и промолвил: «Ты победил, Галилеянин¹²!»

Юлиан умер в возрасте 31 года и пробыл на императорском троне всего девятнадцать с половиной месяцев. Как им-

---

¹² Здесь – Христос. Судьба Юлиана Отступника вдохновила Генрика Ибсена на создание своего самого величественного произведения – пьесы «Кесарь и Галилеянин» (1873). – *Прим. науч. ред.*

ператор он потерпел поражение, понапрасну потратив время на безнадежные и абсурдные попытки возродить мало-понятную и отжившую свое религию в ущерб той, которая стала для империи связующей силой на предстоящее тысячелетие. Юлиан сделался совершенно непопулярным среди своих подданных – и христиан, и язычников, ненавидевших его педантизм и бесконечные поучения; и он едва не уничтожил всю армию империи в кампании, которая чуть не закончилась катастрофой. И все-таки именно Юлиан поразил воображение потомков больше, чем любой из 88 императоров Византии.

Истинная трагедия Юлиана состояла не в ошибочной политике и не в ранней смерти, а в том, что ему не хватило самой малости для достижения того величия, которого он во многом был достоин. Мало кто из монархов обладал его умом, образованностью и культурой, энергией и усердием, мужеством и умением повести за собой, честностью и неподкупностью, поразительной способностью концентрироваться на служении своей империи, а прежде всего своим богам. К сожалению, он обладал двумя недостатками, которые сделали для него невозможными какие-либо долгосрочные достижения: во-первых, религиозный фанатизм, а во-вторых, недостаток остроты и четкости мышления. Временами он бывал до странности нерешительным. Мы вновь и вновь видим, как он просит богов направить его в тех ситуациях, когда он должен был принимать решения сам. Возможно,

останься он в живых, он смог бы преодолеть оба этих недостатка и стать одним из величайших римских императоров. Однако он умер, и случилось это весьма характерным для него образом: он погиб как храбрец, но напрасно. Осталась лишь память о заблуждавшемся молодом мечтателе, который попытался изменить мир и потерпел фиаско.

3

Империя в тупике (363–395)

Оставшись после смерти Юлиана без правителя, ранним утром следующего дня римская армия собралась для выбора преемника. Относительно небольшая группа солдат стала выкрикивать имя Иовиана, командующего императорской охраной. Это был тридцатидвухлетний грубовато-добродушный солдат, которого любили его подчиненные; кроме того, он был христианином (правда, его убеждения ни в коей мере не уменьшали его любовь к женщинам и вину). Однако это был ничем не выдающийся человек, и уж конечно он не обладал необходимыми для императора качествами.

Именно под руководством этого нового и совершенно неинтересного человека продолжилось печальное и утомительное отступление армии вдоль Тигра, сопровождавшееся постоянными нападениями персов. В начале июля, после того как римской армии удалось с боем переправиться через реку, несмотря на все старания Шапура, персидский царь решил предложить условия для перемирия, и Иовиан их принял, хотя они были унижительными. Заключенный договор обеспечивал тридцать лет мира, возвращение Персии пяти приграничных провинций и восемнадцати важных кре-

постей. Одновременно римляне обязались не помогать Армении при нападении персов – обещание, которое фактически равнялось отказу от притязаний на эту страну. Начало правления Иовиана оказалось катастрофическим.

Из Нусайбина набальзамированное тело Юлиана отправили в Тарсус для погребения, а Иовиан тем временем повел армию в Антиохию, где немедленно издал эдикт о веротерпимости, восстановив все права и привилегии христиан на территории всей империи. Он отправился дальше в середине октября, совершая со своей армией небольшие переходы через Анатолию, и в целом его приветствовали с воодушевлением. Только у Анкары, где он вступил в должность консула вместе со своим маленьким сыном Варровианом, оглушительный плач последнего во время церемонии заставил более легковверных из числа присутствующих опасаться, что это дурное знамение.

Пожалуй, опасались они резонно. Через несколько дней, 16 февраля 364 года, Иовиана обнаружили мертвым в его спальне. Гиббон пишет: «Некоторые приписывали его смерть последствиям несварения... По мнению других, он задохнулся во сне от угольных испарений, которые привели к выделению из стен жилища нездоровой влаги от свежей штукатурки». Как ни удивительно, никто не заподозрил насильственной смерти.

Избрание Иовиана императором ознаменовало не только возвращение христианства, но и конец династии, которая

правила империей больше полувека. Императорская диадема вновь стала предметом всеобщего вожделения, и на изменившееся положение дел явственно указывало почти полное единодушие, с которым армия теперь провозгласила императором Валентиниана. На первый взгляд новый император казался еще менее подходящим для этого высокого положения: неотесанный, почти неграмотный, обладавший довольно неуправляемым нравом, он был сыном канатчика из Паннонии, который вышел из низов и сам достиг высокого положения. Как и отец, Валентиниан не пытался скрывать свое крестьянское происхождение; в свои 42 года он все еще мог похвастаться великолепным телосложением и представительной внешностью. Он был набожным христианином и превосходным солдатом, способным при этом на невероятную жестокость. Когда после провозглашения его императором на него стали давить, убеждая назначить соправителя, он отказался делать это в спешке; только после того, как армия дошла до Константинополя, он, к всеобщему смятению, назвал соправителем своего младшего брата Валента. Это был странный выбор: Валент был арианином с почти гротескной внешностью – кривоногий, пузатый, с сильным косоглазием. Он был младше Валентиниана на семь лет и мог сравниться с ним только в жестокости; однако он был именно тем человеком, который требовался Валентиниану, – преданным помощником, которому можно доверять и который не станет создавать сложности и затевать ссоры. К всеобщему

му удивлению, император объявил, что Валент будет отвечать за Восток, а он, Валентиниан, станет править на Западе из своей столицы в Милане.

В течение следующих десяти лет оба императора оказались каждый в сложной ситуации. Валент вначале занимался готскими племенами вдоль дунайской границы, а в 371 году отправился в долго откладывавшееся путешествие на Восток, где Шапур превратил Армению в сателлит Персии. Валентиниану пришлось иметь дело с повторяющимися вторжениями варваров в Галлию. Лишь в 373 году он смог обеспечить ее безопасность, однако почти сразу возникли новые проблемы вдоль Дуная: обычно законопослушное племя квадов¹³ вторглось на территорию империи и разорило некоторое количество приграничных земель. После этого они отправили к римлянам посольство с объяснениями, почему они так поступили: они утверждали, что настоящими агрессорами были сами римляне.

Для Валентиниана подобное обвинение было равносильно оскорблению Рима. Пока он слушал послов, в нем все сильнее вскипал гнев; сильно побагровев, он внезапно упал лицом вперед и чуть позже умер от апоплексического удара. Это случилось 17 ноября 375 года. Мало кто из императоров когда-либо так много трудился над целостностью границ империи, как Валентиниан. Будучи христианином, он

---

¹³ Квады – древнегерманское племя, жившее к северу от среднего течения Дуная с начала нашей эры и до VI в. и признававшее господство Рима.

терпимо относился к тем, кто не разделял его никейских верований, которых он стойко придерживался; как правитель, он вершил правосудие беспристрастно, и если его наказания бывали суровы, то, по крайней мере, они назначались лишь виновным. Однако его суровость и жесткость не добавили ему любви подданных, и его смерть мало кого опечалила.

Еще в 367 году Валентиниан убедил свои войска признать его семилетнего сына Грациана соправителем. Однако на смертном одре, зная, что Грациан находится далеко, в Трире, а Валент еще дальше, в Антиохии, он послал за своим сыном от второго брака, которого тоже звали Валентиниан и которому было всего четыре года; Валентиниан велел объявить его вторым императором наравне со сводным братом. Таким образом, в империи теоретически оставались три правителя: уродливый садист средних лет, лишенный мудрости и здравого суждения, очаровательный шестнадцатилетний мальчик и едва покинувшее колыбель дитя. От них троих зависело будущее империи, находившейся на одном из критических этапов своей истории, поскольку всего через год она оказалась лицом к лицу с самым ужасным вторжением, с которым ей когда-либо приходилось сталкиваться. Гунны, по всем меркам, были дикарями. Эта большая, недисциплинированная орда язычников монгольского происхождения примчалась из степей Центральной Азии и уничтожала все на своем пути. Остготы пытались сопротивляться, но напрасно; они все чаще просили у Валента разрешения селить-

ся на территории империи, на фракийских равнинах.

Валент удовлетворил их просьбу и спешно распорядился, чтобы его местные представители предоставили беженцам кров и пищу. Увы, его приказ проигнорировали: Лупицин, консул во Фракии, отобрал у остготов все имущество и почти заморил их голодом. В отчаянии переселенцы перешли к активному сопротивлению, и к концу лета все фракийские готы взялись за оружие; к ним присоединились вестготы и даже гунны, и началась полномасштабная атака варваров на Римскую империю. Война бушевала всю следующую зиму, и весной 378 года Валент лично отправился на Балканы. Битва, произошедшая 9 августа 378 года, оказалась разгромной для римлян. Император был убит вражеской стрелой, с ним вместе погибли две трети римской армии.

Теперь все зависело от Грациана, которому было всего 19 лет. Он пока не мог покинуть Запад и обратился к некоему Феодосию, сыну одного из ведущих военачальников своего отца, который за несколько месяцев показал себя настолько выдающимся полководцем, что в январе 379 года Грациан возвысил его до себя, присвоив ему титул августа. Феодосий устроил свою ставку в Фессалониках и посвятил следующие два года восстановлению порядка во Фракии и завоеванию доверия со стороны готских мятежников, которых в больших количествах вербовали в римские legionеры. К лету 380 года благодаря его спокойной и терпеливой дипломатии готы счастливо зажили в новых домах, и во Фракии вновь устано-

вился мир. 24 ноября Феодосий официально въехал в Константинополь. «Теперь, когда раны раздоров затянулись, — объявил придворный оратор Фемистий, — самые храбрые из врагов Рима станут его самыми верными и преданными друзьями».

Возвышение Феодосия до положения верховного правителя было, возможно, самым долгосрочным благом, которое Грациан даровал империи. Однако, по иронии судьбы, именно в тот год, когда был заключен окончательный мирный договор с готами, случилось и падение Грациана. Этот молодой человек подавал большие надежды, однако в возрасте 24 лет он уже стал ленив. Что еще опаснее, он больше не пытался скрыть расположение, которое питал к варварам в своей армии (и в особенности к своему высокому светловолосому телохранителю из племени аланов) и открыто выражал им предпочтение перед римскими солдатами. Кризис назрел, когда солдаты внезапно объявили августом одного из военачальников империи, Магна Максима, служившего в Британии. Через несколько дней он высадился в Галлии, где его армия встретила с армией Грациана у стен Парижа. Вероятно, император одержал бы победу, если бы его мавританская кавалерия внезапно не перешла на сторону противника. Грациан бежал, но его взяли в плен в Лионе, а 25 августа 383 года убили на пиру, где он присутствовал со своими тюремщиками, которые обещали ему безопасность. Феодосий в Константинополе с ужасом принял эту весть, одна-

ко тогда он ничего не мог сделать: новый персидский царь Шапур III оставался темной лошадкой, за которой следовало пристально наблюдать, а гунны по-прежнему доставляли беспокойство у северных границ, так что это было неподходящее время для долгой карательной экспедиции. Император неохотно признал узурпатора, как это сделали большинство западных провинций.

Не признала его лишь Италия, где соправитель Грациана император Валентиниан II, которому исполнилось 12 лет, сохранил несколько шаткую власть в Милане. Веселья его жизни явно не добавляли махинации матери Юстины – фанатичной арианки, которая опасалась растущего влияния на ее сына со стороны миланского епископа Амвросия и постоянно интриговала против него. Однако Амвросий платил ей той же монетой, и ему каждый раз удавалось ее перехитрить. К сожалению, пока была жива Юстина, ему так и не удалось убедить Валентиниана принять никейскую веру, и таким образом Магн Максим получил именно тот повод, который ему требовался. В 387 году он перешел через Альпы – якобы для того, чтобы освободить империю от ереси. Юстина и Валентиниан бежали в Фессалоники, где к ним смог присоединиться Феодосий (Юстина теперь была его тещей, поскольку он женился вторым браком на ее дочери Галле), и стали готовиться к войне. В 388 году Феодосий и Валентиниан смогли пройти через горные перевалы в Македонии и Боснии. Военная кампания по большей части оказалась погоней, и Мак-

сима наконец вынудили сдаться у Аквилеи. Его доставили к Феодосию, и на миг показалось, что император сохранит ему жизнь, однако солдаты уволокли Максима раньше. Они знали, что Феодосий имеет репутацию мягкого человека, и предпочли не рисковать¹⁴.

Назначив полководца-франка Флавия Арбогаста наместником в Галлии, Феодосий и Валентиниан в 389 году отправились в Рим, прихватив с собой Гонория – четырехлетнего сына Феодосия. Энергичные усилия старшего из императоров по ослаблению влияния язычества вряд ли сделали его любимцем среди сторонников прежнего режима, однако его легкодоступность и обаяние завоевали ему личную популярность, которой больше сотни лет до него не пользовался ни один император. Затем оба августа вернулись в Милан и оставались там весь год, пока длилось противостояние между Феодосием и Амвросием, которым они больше всего (возможно, несправедливо) запомнились потомкам.

Начало этому противостоянию положило событие, в котором ни один из них не принимал личного участия – убийство в Фессалониках начальника императорского гарнизона. Среди жителей уже давно зрело возмущение из-за расквартированных в городе войск, и напряжение достигло пика, когда этот военачальник готского происхождения по имени Ботерик посадил в тюрьму самого популярного городского колес-

---

¹⁴ По свидетельству Сократа Схоластика (5.14), приказ о казни Магна Максима отдал сам Феодосий. – *Прим. науч. ред.*

ничего. Толпа напала на расположение гарнизона, ворвалась в здание, и Ботерика зарезали на месте. Когда об этом сообщили Феодосию в Милан, он страшно разгневался. Напрасно Амвросий молил его не мстить многим за преступление еди-ниц – Феодосий приказал войскам восстановить свою власть так, как они сочтут нужным. Позже он отменил этот приказ, однако солдаты его уже получили и с большой охотой ему повиновались. Они намеренно дождались, пока люди соберутся в Ипподроме на игры, а потом по сигналу напали на них. К ночи были убиты 7000 человек.

Весть о резне в Фессалониках быстро распространилась по всей империи; к тому же вина за эти события пала на самого императора, а Амвросий Миланский был не из тех, кто упускает подобные факты из виду. В то время он был самым влиятельным священнослужителем христианского мира – гораздо влиятельнее, чем папа римский. Потомок одной из старейших христианских семей римской аристократии, он никогда не собирался становиться священником; лишь когда оказалось, что он один обладает достаточным престижем, чтобы предотвратить открытую борьбу между ортодоксальной и арианской фракциями в городе, он с неохотой позволил выдвинуть свою кандидатуру. Всего за одну неделю он стал сначала новообращенным, затем священником, а потом епископом. Взойдя на епископский престол, он раздал все свое состояние бедным, а в частной жизни стал крайним аскетом. Узнав об убийстве Ботерика, он приложил все усилия

к тому, чтобы убедить Феодосия проявить сдержанность; поняв, что в этом он потерпел неудачу, он собственноручно написал императору письмо, в котором сообщал, что, несмотря на неизменное уважение, вынужден с сожалением отказать ему в причастии до тех пор, пока император не принесет публичное покаяние за свое преступление.

И Феодосий подчинился. Его поведение в этом деле было не только недостойным, но и нехарактерным для него; почти наверняка его военное окружение смогло убедить его поступить именно так. Похоже, его душа испытала огромное облегчение, когда он, с непокрытой головой и одетый во власяницу, смиренно явился в Миланский собор, чтобы молить о прощении. Однако это было нечто большее – поворотная точка в истории христианского мира. Впервые служитель церкви набрался смелости и заявил о верховенстве духовной власти над властью мирской, и впервые государь-христианин публично подчинился осуждению, порицанию и наказанию со стороны власти, которую он признал стоящей выше, чем власть его самого.

В начале 391 года оба императора покинули Милан: Феодосий должен был вернуться в Константинополь, а Валентиниан в Галлию, где ему предстояло принять обратно власть от Флавия Арбогаста, правившего в его отсутствие. Однако по прибытии в город Вьен он быстро понял, что Арбогаст не намерен передавать ему бразды правления. Валентиниан намеревался отстаивать свою власть и передал Арбогасту пись-

менный приказ, требующий его немедленной отставки. Тот взглянул на приказ и медленно и презрительно разорвал его. Это стало объявлением войны; через несколько дней, 15 мая 392 года, молодого императора, которому был всего 21 год, нашли мертвым в его апартаментах.

Арбогаст, язычник франкского происхождения, не мог сам принять императорскую диадему, но он вполне удовлетворялся ролью «создателя королей»; поэтому он назвал новым августом своего ставленника Евгения, христианина средних лет, который прежде служил главой императорской канцелярии. К Феодосию отправили послов, но тот считал, что право назначать своих соправителей принадлежит только ему и никому другому. Он ответил послам уклончиво и стал готовиться к войне, которая продолжалась весь 393 год. За это время Арбогасту удалось провозгласить своего протеже августом и в Италии, несмотря на серьезное сопротивление Амвросия. Арбогаст опирался на старую гвардию язычников, которые с радостью приветствовали нового императора, охотно позволявшего снова возводить древние алтари. К середине года в Риме шло полномасштабное возрождение язычества. К небу возносился дым от жертвоприношений, а пожилые авгуры¹⁵ внимательно вглядывались во внутренности своих еще дымящихся жертв. Когда в начале лета 394 года Феодосий второй раз выступил против претендента-высочки, он понимал, что будет сражаться не только за соблю-

---

¹⁵ Авгур – член жреческой коллегии прорицателей в Древнем Риме.

дение законности, но и за свою веру. Он был хорошо подготовлен к этой борьбе, так как помимо римских легионеров его армия насчитывала около 20 000 готов, многие из которых служили под началом собственных вождей; в их числе был и блестящий молодой военачальник по имени Аларих. Вторым после себя человеком Феодосий сделал ванда-ла Стилихона, недавно женившегося на его племяннице Серене. Однако на войну он отправлялся с тяжелым сердцем: его любимая вторая жена Галла умерла в родах накануне его отъезда.

Две армии встретились 5 сентября к северу от Триеста. На следующий день с востока налетела сильная буря с ураган-ным ветром. Ветер этот дул в спину Феодосию и его людям, а солдат Арбогаста он ослепил пылью, и они едва могли сто-ять на ногах под его порывами. Евгению, повалившемуся в ноги императору, отрубили голову; Арбогаст бежал, однако через несколько дней скитаний нашел принятое в Древнем Риме решение своих проблем и бросился на меч.

Теперь Феодосий обратил мысли к вопросу наследования престола. Валентиниан умер неженатым и бездетным, поэто-му Феодосий счел очевидным выходом разделить империю между двумя своими сыновьями – старшему Аркадию отдать Восток, а младшему Гонорию Запад. Оба сына находились в Константинополе, и Гонория призвали в Милан, но слиш-ком поздно: 17 января 395 года Феодосий умер на 50-м году жизни.

Заслужил ли он свой титул «Великий»? Возможно, не в той мере, в какой заслужил свой титул Константин. Однако если Феодосий и не был великим, то уж точно был очень близок к величию. Если бы его правление продлилось дольше, он мог бы даже спасти Западную Римскую империю. Прошло почти полтора столетия, прежде чем римляне вновь увидели подобного ему человека.

4

Падение Запада (395–493)

Феодосий Великий последним из императоров правил единой Римской империей перед окончательным падением Запада. После его смерти в Западной Римской империи начался восьмидесятилетний период упадка, который продолжался до тех пор, пока император, по иронии судьбы носивший имя Ромул Августул, окончательно не покорился королю варваров. Однако Восточная империя выжила и постепенно обрела собственную индивидуальность. Латынь уступила место греческому, мир разума – миру духа, однако классическая традиция не прерывалась.

Когда Феодосий умер, его старшему сыну Аркадию было 17 лет, младшему Гонорию – 10. Обоих сыновей он доверил заботам племянника жены, Флавия Стилихона, чья карьера быстро пошла в гору. Сын вождя вандалов каким-то образом привлек внимание Феодосия, так как он был женат на Серене – племяннице, приемной дочери и любимице императора.

Формально Стилихон отвечал за обоих молодых императоров, но его главной заботой стал Гонорий. Аркадий находился в Константинополе и попал под менее желательное влияние. Самым губительным оказалось воздействие на него

преторианского префекта Флавия Руфина. Почти наверняка именно Руфин спровоцировал Феодосия отдать приказ, за которым последовала резня в Фессалониках. Его алчность и порочность были широко известны в Константинополе, но его честолюбие мог удовлетворить только трон. Аркадий говорил и действовал медленно, а характером был так же слаб, как и умом. Лишь одно помешало ему стать марионеткой в руках Руфина – влияние пожилого евнуха Евтропия. Совершенно лысый, с морщинистым желтым лицом, Евтропий был еще уродливее, чем его господин, но, как и Руфин, умен, беспринципен, честолюбив и полон решимости мешать своему врагу всеми возможными способами. Он знал о планах Руфина женить Аркадия на своей дочери. После этого брака Руфину остался бы один шаг до трона, а у Евтропия – мало шансов остаться в живых, поэтому он нашел девушку необыкновенной красоты по имени Элия Евдоксия и привел ее во дворец, пока Руфин отсутствовал. К возвращению Руфина Аркадий и Евдоксия уже обручились.

В 395 году жившие на территории империи готы вновь подняли мятеж, почти совпавший по времени со свадьбой. Они назначили своим предводителем двадцатипятилетнего Алариха и через несколько недель дошли почти до самого Константинополя. Однако, когда до города оставалось всего несколько миль, они повернули обратно (возможно, их подкупил Руфин) и снова двинулись на запад, к Македонии и Фессалии. Ситуация выглядела тревожной, и Аркадий по-

слал срочное сообщение Стилихону в Милан, приказав ему как можно скорее привести назад восточную армию. Стилихон выступил, как только смог, но направился не в Константинополь, а в Фессалию, чтобы там противостоять Алариху. Однако там он получил новый приказ от императора: армия должна немедленно явиться в столицу, а ему самому следовало вернуться в Милан. Стилихон поступил согласно приказу – отправил восточную армию в Константинополь, а западную повел с собой обратно домой.

Аларих вновь получил возможность беспрепятственно продолжать наступление. Он двинулся через Фессалию на юг, в Аттику. Порт Пирей был полностью разрушен, Афины спасли только городские стены. Аларих и его армия пересекли Коринфский перешеек и перешли на Пелопоннес, разграбив Спарту и центральные равнины. Однако в начале 396 года произошло неожиданное: Стилихон вернулся с новой армией, которую он переправил морем из Италии. Внезапно готы обнаружили, что их окружили. Казалось, что они наконец находятся во власти Стилихона, но теперь, когда он почти одержал победу, он намеренно дал им уйти. Почему? Очевидно, он заключил какую-то сделку. Позже нам придется поразмыслить о ее природе, пока продолжим рассказ.

А что же случилось с великой армией Востока, которую так спешно призвал к себе Аркадий? Ее командующий Гайна, согласно приказу, повел ее в Константинополь, остановившись у самых Золотых ворот. Тут в должное время по-

явился Аркадий в сопровождении Руфина, который смешался с толпой солдат и принялся тайно добиваться их поддержки. Поначалу он не заметил, что они медленно окружают его плотным кольцом, а когда понял это, было уже слишком поздно; через мгновение он был мертв.

Как только Евтропий смог единолично влиять на императора, коррупция распространилась сильнее, чем когда-либо. В 399 году Евтропию удалось добиться назначения консулом. Несмотря на то что этот титул уже давно был просто почетным званием, он оставался высшей честью, которую могла даровать империя. Однако когда эта должность досталась бывшему рабу и продажному кастрату, терпение жителей Константинополя иссякло. Ситуацию обострил Гайна, чьи солдаты зарубили Руфина четырьмя годами ранее. Весной 399 года его послали во Фригию разбираться с новым мятежом. Оттуда Гайна отправил Аркадию послание, в котором писал, что повстанцы выдвинули лишь несколько весьма разумных требований, которые можно легко удовлетворить. Первым из этих требований оказалась выдача Евтропия. Аркадий колебался, но тут прозвучал еще один голос – голос самой императрицы.

Евдоксия – первая в длинном списке византийских императриц, чьи имена стали синонимами роскоши и чувственности. Говорят, онаставляла напоказ свою порочность, нося длинную челку, которая служила отличительным признаком куртизанок. Она была целиком обязана Евтропию своим по-

ложением, однако он слишком часто напоминал ей об этом. Ее отношения с Аркадием ухудшились вплоть до взаимного отвращения, так что император отдал приказ, и Евтропий в ужасе бежал в поисках убежища в храм Святой Софии, где бросился к ногам епископа Иоанна Златоуста. Этот мрачный церковник испытывал к Евтропию не больше симпатии, чем Евдоксия, но он не мог отказать ему в праве на убежище. Когда в собор пришли солдаты, он неумолимо встал перед ними и не пускал их внутрь, пока дрожащий евнух съжившись сидел под главным алтарем.

В Святой Софии Евтропий был в безопасности, но храм оказался для него ловушкой. В конце концов его убедили сдаться, пообещав сохранить жизнь. Его выслали на Кипр, но вскоре вернули обратно и казнили.

IV век оказался для Римской империи действительно судьбоносным: в этот период появилась новая столица, а христианство стало официальной государственной религией. Однако завершился этот век на грани падения в бездну: на Западе воцарилось молчание и инертность перед лицом угрозы со стороны варваров, на Востоке раздавалось нытье – только этим словом и можно описать реакцию беспомощного императора на то, как его порочная жена выставляет его на публичное осмеяние некомпетентным дураком и рогоносцем. А вот новый век начался с бури: в начале лета 401 года гот Аларих вторгся в Италию.

Аларих, величайший из всех готских предводителей, был одной из главных фигур начала V века. Еще до наступления он сеял ужас от Константинополя до Пелопоннеса; однако, получив должность *magister militum*¹⁶, он продемонстрировал, что по сути он не враг Римской империи. Он сражался не для того, чтобы уничтожить империю, а для того, чтобы обеспечить в ней постоянный дом для своего народа. Если бы император и сенат понимали этот простой факт, окончательной катастрофы можно было бы избежать. Отсутствие этого понимания сделало ее неизбежной. За четыре года, которые Аларих провел со своей армией в Иллирии, империя могла бы принять какие-то меры для предотвращения грядущего нападения; однако не сделали – что характерно для Гонория, которого, похоже, интересовало лишь разведение домашних птиц. По этой причине вместе с вестью о вторжении распространилась и ужасная паника среди населения. Огромное войско готов медленно и неумолимо продвигалось по долине Изонцо, а следом ехали жены и дети воинов; в поход отправилась не просто армия, а целый народ. На западе они повернули к Милану, откуда перед их приходом бежал молодой император; в нескольких милях от Асти их поджидала римская армия, во главе которой стояла знакомая фигура Стилихона. Последовавшая битва, состоявшаяся в Пасхальное воскресенье 402 года, не стала решающей, од-

---

¹⁶ Военный магистр (*лат.*), высшая военная должность в поздней Римской империи.

нако готы не пошли дальше, а отступили на восток. По дороге Аларих внезапно напал на Верону, где потерпел от Стилихона безоговорочное поражение; однако командующий-вандал вновь позволил ему отступить, оставив его армию невредимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.